ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

1842.

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/liubovmuzykantar018800

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

Романъ

Андрея Ярославцова.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Изданіе книгопродавца Ѳ. В. Базунова.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 21 Іюля 1841 г.

Цензоръ С. Куторга.

ВЪ ТИПОГРАФІИ А. ІОГАНСОНА.

Моему отцу.

За жизнь, вполнѣ отданную службѣ для блага семейства; за горячее чувство, которое, неизмѣнно, въ теченіе болѣе шестидесяти лѣтъ, руководило васъ въ великомъ семейномъ дѣлѣ и поставило въ число почетнѣйшихъ родителей; за любовь къ покойной нашей доброй матери; за жизнь нѣсколькихъ лицъ, которымъ она мила съ ея печалями и радостями, — плодъ прекраснѣйшихъ минутъ

вашего сына

Андрея.

31 Мая 1841 года.
Васильевскій - Островъ.

Быть можетъ, онъ для блага міра,
Иль хоть для славы былъ рождёнъ;
Его умолкнувшая лира
Гремучій, непрерывный звонъ
Въ вѣкахъ поднять могла. Поэта,
Быть можетъ, на ступеняхъ свѣта
Ждала высокая ступень.....

А. С. Пушкинъ.

CORNELL UNIVERSITY

I.

I

ЛЮБОВЬ МУЗЫКАНТА.

I.

Но если вдругъ, нежданая, вбѣгаетъ
Бѣда въ семью играющихъ Надеждъ...

В. А. Жуковскій.

День смеркался. Большія хлопья снѣга сыпались, взвивались и опускались поволѣ вихря. Такой день былъ въ Петербургѣ въ концѣ Декабря 18** года. Немногіе пѣшкомъ и въ саняхъ торопились по Большому Проспекту Васильевскаго Острова. Между ними кто-то небольшаго роста, въ енотовой шубѣ, спѣша по буль-

вару, пристально вглядывался, сквозь заснѣженныя деревья, въ окна дома не великолѣпнаго, но одного изъ тѣхъ, въ которыхъ все рождаетъ хорошее мнѣніе о хозяинѣ. Едва изъ воротъ этого дома выбѣжала, въ накинутой на плеча заячьей шубѣ, дѣвушка, какъ нашъ незнакомецъ полугромко закричалъ ей: «Аннушка! Аннушка!»

— «Ахъ, это вы-съ, мусье Вольфгангъ?»

— «Скажи, что у васъ въ окнахъ такъ темно? — Барина нѣтъ дома?»

— «Нѣтъ-съ.»

— «А Эвфалія Николаевна?» спросилъ Вольфгангъ съ вырывавшимся нетерпѣніемъ.

— «И ихъ нѣтъ-съ дома....»

И сердце Вольфганга сжалось: онъ угрюмо сдвинулъ шубу свою къ подбородку. — «Баринъ,» продолжала дѣвушка не безъ участія, «я не знаю, гдѣ-съ; а

барышня съ Софьею Васильевною поѣхали-съ въ гости....»

— «Что онѣ нынче въ гости такъ част....» И, какъ будто опомнясь, Вольфгангъ оглянулся мутными глазами, прихлобучилъ свою шляпу къ бровямъ и, жарко дохнувъ, сказалъ дѣвушкѣ, начинавшей дрогнуть отъ холода: «Ну, прощай!.... Или, постой!....» Но дѣвушка вошла уже въ мелочную лавку. «Ну, да правда,» подумалъ Вольфгангъ, «завтра...» И про себя запѣлъ:

Morgen, morgen, nur nicht heute,
Sagen alle träge Leute.... *

Эта странность бываетъ съ человѣкомъ: въ болѣзни духа своего, онъ иногда поетъ пѣсню, въ которой ни одна мысль не подобна мыслямъ, тревожащимъ его сердце; развѣ найдутся два, три слова, на-

* Завтра, завтра, не сегодня,
Всѣ лѣнивцы говорятъ....
(Изъ дѣтской пѣсни).

поминающія ему что-нибудь отрадное, какъ здѣсь слово — morgen. Въ самомъ дѣлѣ это *завтра* имѣло чудное дѣйствіе надъ Вольфгангомъ: сердце его ожило, надежды засверкали и радость вспыхнула въ груди его.... Но сверканіе мгновенно; а послѣ пыла остается иногда одно тлѣніе. Богачъ смотритъ на тлѣніе своего сгорѣвшаго сокровища болѣзненно, но не безутѣшно; но что остается тому, у кого сгараетъ послѣднее сокровище — сердце?

Духъ Вольфганга колебался: то онъ пріятно струился, то вдругъ вздымался тяжелымъ, чернымъ валомъ. «Не понимаю послѣдняго ея свиданія со мною!...» думалъ дорогою Вольфгангъ. «Такъ холодно она еще не обращалась!....»

Онъ пошелъ по линіи. Воображеніе нарисовало ему, какъ, за два дня доэтого, сидѣлъ онъ у фортепіано подлѣ Эвфаліи. Эта минута такъ живо представилась ему, что онъ, повторяя сказанныя въ то вре-

мя слова, прошепталъ на дорогѣ со взоромъ нѣжнѣйшаго томленія: «Ангелъ!... Но что-жъ это?» продолжалъ онъ думать. «Она только улыбнулась; она ошиблась въ игрѣ только отъ какого-то страннаго смѣха! — Боже, что съ нею?....» Тутъ чувствованіе на нѣсколько минутъ истребило мысли; въ этомъ безмысленномъ состояніи онъ прошелъ съ поникшею головою нѣсколько шаговъ; потомъ продолжалъ: «Правда, это случалось:... ну, она еще очень молода....» И онъ запѣлъ опять тихонько:

Morgen, morgen, nur nicht heute.....

А вздохнувъ, подумалъ съ сердечною истомою: «Но такъ холодно она еще не обращалась со мною!.... Ахъ, да.» — Тутъ онъ вернулся шаговъ десять назадъ и вошелъ въ большой каменный домъ.

Да, что дѣлать? — Горе — горемъ, а трудиться все-таки надо: хотя въ та-

комъ случаѣ дѣлаемся и смѣшными. Черезъ часъ Вольфгангъ спускался съ лѣстницы того дома, въ который вошелъ; а между тѣмъ въ бель-этажѣ этого дома дѣвица, легкая, какъ грація, вбѣжавъ въ великолѣпную гостиную, съ хохотомъ говорила: «Какъ онъ сегодня былъ разсѣянъ, ma chère!.... ха, ха, ха!....» «Qui?..» звучно, но безучастно спросила гордая дѣвица, задумчиво смотрѣвшая въ окно на серебряную луну. «Mon maître de musique,» отвѣчала первая. «Я, знаешь, ошиблась: онъ какъ схватитъ меня за руки!... Онъ и пришелъ сегодня съ такими дикими глазами!... Я такъ и испугалась!... А онъ!.... ха, ха, ха, ma chère, qu'il était drôl!.... онъ, знаешь, вскочилъ со стула, взялъ, вотъ этакъ, подъ спинку стулъ, на которомъ стояла его шляпа, и началъ откланиваться; да ужъ я ему говорю: мосьё Вольфгангъ, вы забываете вашу шляпу!... Ахъ, ты посмотрѣла бы,

какъ онъ тутъ смѣшался! это ужасть! — Сталъ извиняться; говорилъ, что у него есть такой лѣнивый ученикъ.... Mais je ne me rappelle plus toutes les bêtises, qu'il m'avais dit, en s'excusant.... ха, ха, ха....» «Однако жъ,» возразила вторая, «это было слишкомъ дерзко съ его стороны: схватить тебя за руки!....» Ну, что жъ, ma chère! онъ такъ былъ разсѣянъ!.... Peut-être le pauvre est amoureux!....« Разговоръ прервался приходомъ матушки этихъ дѣвицъ, которая, и усѣвшись на диванъ, все еще сердилась на кучера за дороговизну сѣна. Заэтимъ слѣдовалъ разговоръ о вчерашнемъ спектаклѣ и особенно о платьѣ, въ которомъ была графиня N. —Но, не имѣя надобности подслушивать этотъ разговоръ о сѣнѣ, о сценѣ, даже о платьѣ графини N, мы послѣдуемъ за нашимъ Вольфгангомъ.

Выйдя на улицу, онъ принялся хохотать отъ души, представляя себѣ случив-

шееся съ нимъ. Этотъ хохотъ скоро былъ прерванъ приливомъ горя въ его сердце: онъ повѣсилъ голову; хотѣлъ было итти домой; но, вспомнивъ, что его двоюродная сестра, Луиза, будетъ плакать, какъ она сама сказала, — если онъ не придетъ сегодня къ ней праздновать ея рожденіе, онъ поспѣшилъ ее обрадовать.

Когда онъ вошелъ въ переднюю, то Луиза, миловидная, четырнадцати-лѣтняя дѣвушка, повисла ему на шею и своими малиновыми губками прильнула къ полной, но на этотъ разъ необыкновенно блѣдной щекѣ его. «Ну, ну, Луиза, не задуши только меня,» сказалъ онъ, слегка освобождаясь отъ нея; «дай хоть шубу-то снять....» Но Луиза продолжала цѣловать его, приговаривая: «Dank, dank!»

— «Вотъ, что хорошо, то хорошо, братецъ!» сказалъ пришедшій молодой человѣкъ, одинъ изъ гостей, и, подавая руку Вольфгангу, продолжалъ: «Es ist

brav *! Тебя ужъ давно ждали: а кузинхенъ была почти въ отчаяніи!»

— «Миля Гиммельтраумъ у насъ!» шепнула Луиза.

— «О, если она здѣсь, такъ я сей часъ — домой!» сказалъ Вольфгангъ и взялся было опять за шубу.

— «Ну, Эдуардъ, перестань-же!» сказала Луиза; «вѣдь она плакала, думая, что ты не придешь. — Господинъ Клингенау,» смѣясь, сказала она молодому человѣку, «помогите мнѣ втащить его въ комнату!»

— «Послушайте-же,» сказалъ Эдуардъ, «если вы хотите танцовать, такъ я сей часъ играю кадриль или что вамъ угодно, только болтать и баловать я сегодня не хочу.»

Дверь въ залу отворилась — и Эдуарда ввели подъ-руки. Эта зала, или лучше,

* Молодецъ!

небольшая комната о трехъ окнахъ на улицу, въ деревянномъ домѣ, по пятнадцатой линіи, была наполнена дѣвицами молодыми и пожилыми, и старушками— ихъ матерями и бабушками. Усмѣшки, иногда хохотъ и живой, веселый разговоръ, то громкій, то вдругъ затихавшій до шепота, — причемъ были бросаемы взгляды на старушекъ, — слышались только въ двухъ противоположныхъ углахъ: въ одномъ изъ нихъ сидѣло нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ, а въ другомъ шестеро молодыхъ людей и мальчиковъ. Два другіе угла были также заняты—одинъ чайнымъ столикомъ съ сидѣвшими около него хозяйкою дома и нѣсколькими старушками и пожилыми дѣвицами, которыя, прислушиваясь къ разговору старухъ, участвовали въ немъ сами по временамъ, или по склонности говорить. Этотъ разговоръ, какъ обыкновенно, ограничивался новостями въ кругу ихъ зна-

комыхъ и родныхъ, сужденіями а иногда и пересудами о нихъ, хотя послѣднія хозяйка всегда старалась довольно искусно прекращать. Подлѣ хозяйки сидѣла мать Эдуарда, задумчивая и мало принимавшая участія въ разговорѣ. Но одна, лучше всѣхъ одѣтая дама, высокаго роста, полная и съ цвѣтущимъ здоровьемъ, управляла разговоромъ произвольно: такое право между собесѣдницами имѣла она, какъ умная женщина и супруга богатаго часовыхъ дѣлъ мастера, Фусса, который нѣкогда благодѣтельствовалъ мужу хозяйки, какъ своему собрату по ремеслу. — Въ противоположномъ углу, у фортепіано стояла Эмилія и перебирала ноты. Эта дѣвушка, въ бѣломъ платьѣ опоясанная чернымъ кушакомъ, была средняго роста, блондинка, не прелестной, но довольно пріятной наружности. Въ ней не было ничего поразительнаго, кромѣ чувствительности и меланхоліи, кото-

рыя понятны только страдальцамъ. Она-то плакала отъ безнадежности увидѣть сегодня Эдуарда; у ней выпали изъ рукъ ноты, когда онъ явился. Луиза, подведя Эдуарда къ г-жѣ Фуссъ, и сказавъ шутя: «Рекомендую вамъ моего братца!» подбѣжала, — когда съ нимъ заговорили старушки, — къ Эмиліи и, дернувъ ее за рукавъ, шепнула: «Онъ знаетъ, что ты плакала,» и потомъ другимъ подругамъ объявила, что онѣ сейчасъ будутъ танцовать.

Все зашумѣло. Изъ смежной комнаты, гдѣ четверо мужчинъ сидѣли за бостономъ, а двое смотрѣли на ихъ игру, — вышли эти двое, одинъ — толстый съ сигарою, другой — сухощавый и пожилой, съ трубкою. «А, вотъ, нашъ виртуо́зъ!» сказалъ человѣкъ съ сигарою. «Гм!» сказалъ человѣкъ съ трубкою. — Эдуардъ, улыбаясь, подавалъ имъ руку. »Что жъ вы такъ поздно?» спросилъ

первый. «Я не могъ ранѣе.» — «Все заняты?» продолжалъ мужчина съ сигарою. «Все играли, хе, хе, хе!» прибавилъ мужчина съ трубкою, выпустилъ облако дыму въ потолокъ и впился опять въ мундштукъ. — Эдуарда это отвращало, но не тревожило: онъ привыкъ нѣсколько къ этимъ людямъ; онъ былъ у родныхъ; да и въ сердцѣ его разливался цѣлый океанъ горя.

Отъ чаю, предложеннаго теткою, Эдуардъ отказался, сказавъ неотвязчивой сестрѣ: «А ежели стаканъ рому, такъ пожалуй!» «Фуй, Эдуардъ, что это за шутки?» сказала Луиза.—Эдуардъ горько улыбнулся и, какъ-бы желая что-то утаить отъ людей, сѣлъ поскорѣе за фортепіано. Бурно пророкотали струны подъ его руками. Голубые глаза его раскалились сильнѣе и стали увлаживаться. Вдругъ онъ прервалъ игру; отмахнулъ рукою на сторону пукъ волосъ, такъ хорошо тѣ-

нившихъ его бѣлое чело, и, подозвавъ сестру, сказалъ ей: «Я играю кадриль.» По распоряженію Луизы, и при звучныхъ возгласахъ г-жи Фуссъ: «Танцуйте-же, вы, старики!» танцы начались.

Напрасно Эдуардъ старался скрыть свои чувствованія: звуки измѣнили ему. Правда иные не замѣчали въ немъ тревожнаго положенія, другіе объясняли его ежедневною философіею: *онъ усталъ* или *у него, вѣрно, голова болитъ.* — Сухощавый мужчина, впившись въ мундштукъ своей трубки, подошелъ съ умильною улыбкою къ фортепіано; а толстый мужчина, положивъ кусочекъ докуренной сигары на печку, подсѣлъ къ старушкамъ — и разговоръ сдѣлался шумнѣе, какъ подъ музыку всегда бываетъ. — Но громовые аккорды и бурные разливы музыки отозвались только въ одной душѣ. Эмилія съ нѣкоторыми дѣвицами стояла за спинкою стула у фортепіано; она мѣшалась въ

отвѣтахъ; часто украдкою останавливала глаза свои на Эдуардѣ: она знала причину мятежной тоски его и удержала на устахъ своихъ то — *ахъ!* — которое вышло стѣсненнымъ вздохомъ изъ груди ея. Но въ этомъ — *ахъ!* — исчезала вся она: въ немъ заключались святыя слова: «Какъ бы я его любила!....» Но чѣмъ болѣе говорили Эдуарду о любви къ нему Эмиліи, тѣмъ болѣе онъ ее ненавидѣлъ. — И странно и правда. — Онъ и теперь избѣгалъ случая встрѣтиться глазами съ нею; чего не могъ сдѣлать только тогда, когда она первая подошла благодарить его послѣ танца: но за этимъ онъ тотчасъ ушелъ въ комнату къ игравшимъ въ карты и, закуривъ сигару, сѣлъ на стоявшую за ширмами кравать. — Между тѣмъ дѣвицы, взявшись за руки, начали веселѣе ходить по комнатѣ; къ нимъ присоединились съ шутками молодые люди; а другія дамы

продолжали свои разговоры. — За ширмы къ Эдуарду пришелъ съ трубкою и Клингенау, большой его пріятель еще съ перваго класса Нѣмецкаго Петровскаго Училища въ Петербургѣ. — Эдуардъ разсказалъ ему причину своего растройства. —

— «Ну, что-жъ тутъ?» сказалъ Клингенау, «все-таки не отчего приходить въ отчаяніе. Эта холодность бываетъ съ каждою женщиною. — Ну, она была не такъ-то расположена; можетъ быть не совсѣмъ здорова....»

— Не говори мнѣ, пожалуста, этого: она совсѣмъ не то, что всякая женщина. Ахъ, какъ она мила!...»

Есть молодые люди, которымъ перѣшимость сверстниковъ часто кажется медленіемъ. И тѣ и другіе конечно не правы; но первыхъ напрасно мы зовемъ иногда вѣтреными: они только легкомысленны — и болѣе по возрасту; а

вторыхъ нельзя назвать нерѣшительными: они только излишне осторожны — отъ бѣдности или отъ неточнаго понятія о богатствѣ. Клингенау и Эдуардъ подтверждаютъ эти слова: послушайте ихъ только.

— «Но для чего-жъ ты,» сказалъ Клингенау, «до сихъ поръ не просилъ руки ея?....»

Эдуардъ молчалъ и курилъ тихо сигару.

— «Вотъ ужъ болѣе полутора года,» продолжалъ Клингенау, «ты только и бредишь о ней; а съ нею ты, вѣрно, безъ словъ.»

— «Безъ словъ, это правда; зато ея ручки, щечки, лобъ, локончики, — все знаетъ, что я съ нею!» При этомъ исчисленіи Эдуардъ болѣе и болѣе трепеталъ и, въ упоеніи откинувъ голову назадъ, сказалъ: «чудо!» И вдругъ спрыгнулъ съ кровати и, проведя рукою по челу своему, какъ бы срывая съ него

подозрѣніе, онъ сказалъ: «Нѣтъ, не можетъ быть! — Она любитъ меня!»

— «Да, конечно! — Благородная дѣвушка, которая столько тебѣ позволяла, конечно позволяла это какъ другу настоящему и будущему. — А вотъ ты, при первомъ-же свиданіи, скажи ей рѣшительно твое желаніе соединиться съ нею и объявить о томъ отцу.»

— «Да, отцу! — Ты знаешь, что онъ богачъ; а у меня въ кошелькѣ — воздухъ, а на шеѣ — только вотъ ея цѣпочка.»

— «Но ты вѣдь самъ-же говорилъ, что отецъ ея разсудительный человѣкъ, хотя и богачъ.... Притомъ-же онъ не графъ какой!...»

— «Все это хорошо и прибавлю еще, что онъ меня очень любитъ; а на музыкальныхъ вечерахъ у нихъ бываетъ одинъ офицеръ; чортъ его знаетъ, можетъ быть и хорошій человѣкъ; ну, на флейтѣ онъ играетъ прелестно!...»

— «Ну, такъ что-жъ?»

— «Такъ отецъ-то съ нимъ обращается, знаешь, какъ вѣжливо! — Правда, онъ очень деликатенъ и скроменъ съ Эвфаліею; да разговариваетъ-то все только съ отцемъ.»

— «Ну, такъ увези ее!...»

Эдуардъ сталъ опять пускать дымъ. Клингенау хотѣлъ что-то еще говорить, но пришедшая къ нимъ Луиза просила Эдуарда сыграть попури а Клингенау сама ангажировала танцовать съ нею, сказавъ ему живо и простодушно: «Вы сегодня очень лѣнивы: я хочу васъ учить прилежанію.»

Танцы продолжались; разговоры становились шумнѣе и затихали, когда стихало фортепіано. — Въ дверяхъ изъ кухни по-временамъ появлялись хозяйкина прислужница съ другою, пришедшею за своею барышнею, которая была тутъ же на вечерѣ. Эти женщины, поглядывая

на Эмилію, толковали между собой: что она, вѣрно, будетъ женою Эдуарда; что у него теперь много уроковъ и онъ живетъ хорошо; но что работница госпожи Вольфгангъ сказывала, будто онъ сватается за одну изъ своихъ учениць, какую-то богачиху, въ которую очень влюбленъ; но что отецъ ея и слышать объ этомъ не хочетъ: и что оттого-то Эдуардъ часто скученъ.... И множество подобныхъ истинъ и заключеній вмѣстѣ съ кухонными парами разлетались у тѣхъ дверей.

Прелестенъ былъ полонезъ, которымъ Эдуардъ началъ попури. Теперь онъ ему казался както понятнѣе: «Вотъ,» думалъ онъ, «это — радость; это — мой пламень; это — ея застѣнчивость, ея милая скромность; вотъ — мои мольбы, мои надежды; вотъ — грусть моя, уныніе, моя безнадежность; но вотъ опять — моя радость! мой пламень!...» Это былъ тотъ

полонезъ, который онъ сочинилъ, упоенный мечтами любви, и посвятилъ — легко догадаться — кому?... А какъ слушала этотъ полонезъ Эмилія!... Но она напрасно хотѣла чѣмъ-нибудь обратить на себя вниманіе Эдуарда: онъ холодно уступилъ ей фортепіано, когда она пожалѣла, что онъ усталъ играть.

Пріятный для всѣхъ, только не для Эдуарда, вечеръ прошелъ и кончился около полуночи закускою, состоявшею изъ буттерброта, мадеры для мужчинъ и мускатъ-люнеля для женщинъ, и наконецъ изъ сладкихъ пирожковъ, приготовленныхъ самою Луизою. Эдуардъ ѣлъ много, а мадеры пилъ бы еще больше, еслибъ ее подавали не въ рюмкахъ. Луиза удивлялась этому, и не дала ему четвертой рюмки, удерживаемая особенно заботливостію Эмиліи. — При уходѣ, г-жа Фуссъ тщетно просила и убѣждала Эдуарда пожаловать къ ней на вечеръ въ слѣдую-

щій четвертокъ: Эдуардъ повторялъ одно, что онъ уже далъ слово на музыкальный вечеръ у одного Русскаго купца, большаго любителя музыки. «Знаю! знаю!» говорила съ лукавымъ видомъ г-жа Фуссъ. «Ну, да впрочемъ, я вамъ рада во всякое время!» прибавила она съ обиженнымъ самолюбіемъ и, обратясь къ прочимъ, провозгласила: «Смотрите-же, господа, не забудьте въ четвертокъ!....» «Wir danken!» радостно повторили за Луизою всѣ дѣвицы и кавалеры.

Дорогою Эдуардъ былъ безъ словъ и не пѣлъ, противъ обыкновенія. Всѣ мысли его слились въ одну мысль, въ одно томительное сомнѣніе, которое страшилось отчаянія и невполнѣ отдавалось надеждамъ, — отъ котораго кровь кипяткомъ приливалась къ сердцу, гортань сохла и глаза раскаливались, а между тѣмъ Эдуардъ укутывался безпрестанно въ свою шубу. — Мать молчала по обыкновенію и потому-что

просидѣла на вечерѣ противъ обыкновенія. — Когда они пришли домой, близъ Средняго проспекта во второй линіи, то Эдуардъ, снимая шубу, сказалъ: «Фуй, какъ холодно, мамаша! — Сдѣлай-ка мнѣ пуншу!» Но мать, ничего не подозрѣвая и принявъ это только за неудачную шутку, сказала: «Ступай-ка въ залу: тамъ твой пуншъ уже готовъ.» Когда принесли въ залу свѣчу, то Эдуардъ сѣлъ за рояль и сдѣлалъ нѣсколько сильныхъ минорныхъ аккордовъ. Вдругъ, опустивъ руки, онъ разсмѣялся, всталъ изъ-за рояля, поднялъ на голову стулъ и, держа его за спинку, подошелъ къ зеркалу. Въ такомъ положеніи увидѣла его вошедшая мать. «Ну, ну, это что?!» спросила она съ удивленіемъ; «цѣлый вечеръ ты былъ скученъ, а теперь!....» Эдуардъ отъ смѣха едва разсказалъ странность, случившуюся съ нимъ на урокѣ. Когда мать ушла, то онъ, тревожась еще живо представ-

лявшеюся ему неловкостью и, какъ-бы желая скрыть ее, быстро пробѣжалъ по клавишамъ и — остановился на печальномъ аккордѣ, который поднялъ опять тревогу въ его душѣ. — Накапунѣ и третьяго дня Эдуардъ только изнывалъ въ звукахъ, сегодня-же въ нихъ слышалась буря. Но скоро сонъ, какъ нѣжная мать, улелѣялъ его.

*
* *

Почти въ одно съ Эдуардомъ время возвратилась домой и Эвфалія съ своею подругою, Софьею Васильевною. Она была у Семена Екимыча Дубина, одного изъ Русскихъ хористовъ, семейнаго человѣка, къ которому имѣла отъ отца позволеніе ѣздить во всякое время.

Семенъ Екимычъ слылъ гордымъ и низкимъ человѣкомъ между своими сослуживцами, но для сытнаго обѣда, или

ужина, или угощенія Крупникова, отца Эвфаліи, онъ дѣлался тише воды, ниже травы; пѣлъ своимъ звучнымъ басомъ: *Защитника Петрова града; — О Ты, живущій надъ звѣздами!* и проч. и привозилъ иногда къ Крупникову, по его желанію, кого-либо изъ своихъ товарищей. Звучный басъ, которымъ онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ, Василіемъ Екимычемъ, отличался на клиросѣ одной приходской церкви въ Москвѣ и который понравился нѣкоторымъ значительнымъ лицамъ, вывелъ ихъ обоихъ, какъ говорится, въ люди — изъ Гостинаго-Двора.... Въ самомъ дѣлѣ нельзя было отказать имъ въ талантѣ; зато душевнаго *благопріобрѣтенія* за ними не состояло никакого: это мнѣ извѣстно, *хотя сего и не значится изъ ихъ формулярныхъ списковъ.* А умственныя ихъ силы и дарованія, столь удовлетворительно развитыя для прежняго ихъ быта, не встрѣтили въ новомъ званіи

тѣхъ одобреній и удивленій, которыми награждались дотолѣ. Удерживаться-же въ обществѣ, при всемъ незнаніи его законовъ, этимъ новымъ членамъ было уже необходимо: оттого-то они и сдѣлались тѣми, какими слыли между сослуживцами и какими являлись въ обществѣ. Къ этому впослѣдствіи присоединилась суровая угрюмость, съ какою обращались они въ своихъ семействахъ. — Но эта угрюмость, да добросердечіе женъ ихъ, хотя и безграмотныхъ, были единственными начальными воспитателями дѣтей: отчего скованныя ихъ добродѣтели дѣлали ихъ тупоумными или съ трудомъ принимали достойный образъ въ учебныхъ заведеніяхъ, ксожалѣнію, также неслишкомъ ласковыхъ въ то время. Ксчастію въ сердца дѣтей влилось болѣе добродушія матери, нежели суровости отца: и они, не любя, или лучше сказать перенося, хоть и съ ропотомъ,

правъ отца, любили своихъ родителей.

Правда, нехорошъ бытъ семейства, гдѣ всѣ члены живутъ то въ согласіи, то въ разладѣ, смотря потому, спокойно или тревожно совершается ихъ кровообращеніе. Скучно, несносно бывать въ такихъ семействахъ: все ваше желаніе — свѣтлыми истинами разогнать туманъ, налегшій на умы ихъ — будетъ тщетно. Зато доброе чувство, неизбалованное приличіями и требованіями свѣта, удерживаетъ ихъ добродѣтельными на небольшомъ поприщѣ. Это доброе чувство заиѣтно даже и въ терпѣливой нелюбви дѣтей къ угрюмости отца. И если предпочитать меньшее зло большему, то это семейство мнѣ болѣе нравится, нежели такое, гдѣ дѣти во всемъ стараются угодить родителямъ. Это стараніе дѣлаетъ ихъ часто угодниками свѣта и слѣдовательно, если не истребляетъ, то измельчаетъ въ ихъ сердцѣ все истинно благо-

роднос, доброе и прекрасное. — Недаромъ Крупниковъ, человѣкъ строгой нравственности, позволилъ дочери посѣщать это семейство, хотя самъ очень рѣдко пріѣзжалъ туда. — Посѣщеніе Эвфаліи всегда составляло маленькій праздникъ у Дубиныхъ: самъ Семенъ Екимычъ, любуясь рѣзвою, милою Эвфаліею, дѣлался разговорчивѣе и веселѣе. Обыкновенно одна изъ его трехъ дочерей приглашала двухъ дочерей и сына отцева товарища, жившаго по-сосѣдству, а одинъ изъ двухъ сыновей приглашалъ своихъ соучениковъ, двухъ братьевъ, Славеновыхъ, жившихъ также по-близости. Изъ этихъ лицъ составлялись танцы и фанты. Фанты непремѣнно составлялись каждый разъ: потому-что огненнымъ сердцамъ нѣкоторыхъ изъ молодыхъ людей хотѣлось поцѣловать Эвфалію; иногда въ шенѣ или променадѣ покойнаго безпокойнаго вальскадриля или краковьяка эти кава-

леры дерзко прижимали прелестную ручку Эвфаліи къ пламеннымъ устамъ своимъ: она стыдилась, упорствовала безъ-сердцовъ; но, поимавъ румянаго мальчика, осыпала его поцѣлуями, — когда была только посреди дѣвицъ. Дѣвицы поневолѣ хвалили ее передъ братьями, которые отъ нея были безъ-ума; но въ серьезныхъ разговорахъ между собою называли ее вѣтреною, бѣшеною, и даже, только сквозь зубы, спесивою, зато-что она не разговаривала съ ними о цѣнѣ своихъ нарядовъ и т. п., чего она никогда не знала. — Изъ этого-то общества возвратилась домой Эвфалія.

Едва послышались сани у воротъ того дома, въ окна котораго недавно вглядывался Эдуардъ, какъ ходившій въ большой, хорошо убранной залѣ, пожилой человѣкъ, съ сложенными назадъ руками, сказалъ дремавшей за чулкомъ, въ другой комнатѣ, старушкѣ: «Архиповна,

вели посвѣтить въ сѣняхъ; кажется, Эвфалинька пріѣхала.» И когда Эвфалія вошла изъ передней прямо въ залу, то пожилой человѣкъ, дождавшійся ея у порога, спросилъ: не озябла ли она? «Нѣтъ-съ, папенька, совсѣмъ нехолодно!» отвѣчала Эвфалія, и, поцѣловавъ руку его, когда онъ цѣловалъ ее въ лобъ, она сказала: «Семенъ Екимычъ вамъ кланяется.» Живыя рѣчи, граціозные пріемы и лилейно-розовое лице дѣвицы, какъ ясное Майское утро, ободрили старика.

— «А вы, Софья Васильевна,» спросилъ онъ, «также не пожалуетесь на зиму?»

— «Нѣтъ-съ; время очень пріятное!» довольно растянуто проговорила она.

— «Только время и отдыхать,» сказалъ Крупниковъ, взглянувъ на столовые часы: «Скоро второй часъ!»

Между тѣмъ горничная снимала съ Эвфаліи богатый лисій салопъ и бархат-

пую шляпку. Наконецъ дѣвицы пожелали старику доброй ночи; причемъ Эвфалія повторила свою дѣтскую нѣжность и получила опять поцѣлуй въ лобъ: отецъ пошелъ въ свой кабинетъ, а Эвфалія съ Софьей Васильевною — въ свою спальню.

Когда онѣ проходили комнату передъ спальнею, то Софья Васильевна замѣтила на столѣ журналъ. Она тотчасъ раскрыла его и стала разсматривать приложенную картинку дамскихъ модъ: этимъ она занялась и длятого, чтобы дѣвушка напередъ могла прислуживать своей госпожѣ. Эвфалія, взглянувъ на картинку, тотчасъ сказала: «Какъ эта дама похожа на тебя, Сонинка! — Посмотри, такая-же церемонная и также аккуратно одѣтая!... А эта!... вотъ!...» сказала она, каррикатурно представивъ собою вторую фигуру и, засмѣявшись, ушла въ спальню. «Ахъ, какая вѣтреная!»

проговорила ей вслѣдъ Софья Васильевна и продолжала разсматривать картинку и читать о модахъ.

«Барышня,» сказала Аннушка, ухаживая около Эвфаліи, «мусье Вольфгангъ спрашивалъ объ васъ.»

— «Гдѣ ты его видѣла?...» быстро спросила Эвфалія; и на ея лице, какъ на луну, налетѣли облака тумана: она мгновенно перешла отъ веселаго расположенія духа къ какой-то неопредѣленной тоскѣ.

— «Я давеча ходила въ лавочку....» начала Аннушка и подробно разсказывала встрѣчу съ Вольфгангомъ, продолжая раздѣвать свою барышню. — Эвфалія слушала ее разсѣянно: тихо перебирая свои локоны, она смотрѣла на билетъ, воткнутый въ рамку туалета. Этотъ билетъ подаренъ былъ Эдуардомъ для концерта, въ коемъ онъ взялся участвовать. Ея тоска усилилась и почему-то обратилась

въ грусть объ одиночествѣ. Эвфаліи никогда разительнѣе и печальнѣе не представлялось одиночество, какъ теперь.... Она подъ чужимъ небомъ, — хоть и давно уже оставила тотъ лазурный сводъ, который такъ раздольно сливается съ горами Кавказа; она среди чужихъ и — не знаетъ родныхъ; она сейчасъ возвратилась изъ привольнаго для нея общества — но тамъ шепотомъ назвали ее спесивою: въ своей подругѣ видѣла она только дѣвицу, развитую болѣе правилами и наставленіями, нежели естественнымъ внушеніемъ, да и она была родственница тѣхъ, которымъ Эвфалія такъ довѣрилась и которые ее сегодня огорчили нескромнымъ осужденіемъ. — Только со стороны отца своего, хотя и нероднаго, удовлетворена была она всѣмъ необходимымъ и даже излишнимъ. — Но кто-жъ перенесетъ ея воображеніе въ плѣнительную будущность? Кто замѣнитъ

ей недостатокъ во всемъ настоящемъ и съ увлекательнымъ участіемъ вспомнитъ съ нею о золотыхъ минутахъ прошедшаго? Гдѣ тотъ, котораго ждать и искать научаетъ насъ сама природа? Гдѣ другъ?.... И вотъ Эвфалія смотритъ на билетъ; въ воображеніи ея безпрестанно являются новыя картины: она тихонько сжала на столѣ батистовой платокъ, поднесла его ко рту, принужденно кашлянула и, украдкою, отерла слезы.... Невольно или добровольно теряемъ мы любимый предметъ, — но если теряемъ, — то сердцу жаль его. — Эвфалія плакала о томъ, что безъ принужденія оставляла навсегда.... Вдругъ въ ближней комнатѣ, гдѣ сидѣла Софья Васильевна, что-то стукнуло въ окно; вѣтръ съ воемъ потрясъ деревья въ саду и рванулся въ ворота; по улицѣ съ глухимъ визгомъ пронеслись сани. Испуганная Софья Васильевна вбѣжала въ спальню, едва произ-

нося: «Ахъ! что это? къ намъ въ окно такъ и стучатъ!» «Воры! воры!» говорила Эвфалія, «ха, ха, ха! смотри, Сопичка, тебя украдутъ: это воры!» И, посмотрѣвъ на часы, она продолжала: Ну, ужъ такъ и быть, спасти тебя развѣ:» и вышла изъ спальни.

— «Аннушка, что это, право?»

— «Ничего-съ, Софья Васильевна, это ставни хлопаютъ отъ вѣтра. Вѣдь посмотрите, какой поднялся вихрь: на дворѣ такъ и ходитъ ходуномъ!»

— «Ахъ, какъ я право испугалась!» говорила Софья Васильевна, поглядывая на свое лице въ зеркалѣ.

Между тѣмъ Эвфалія задула въ сосѣдней комнатѣ свѣчу и устрѣмила слухъ свой къ комнатамъ отца — все безмолвствовало; потомъ подошла она къ окну и, вставъ на стулъ, посмотрѣла въ ставенное отверстіе. — Мѣсяцъ свѣтилъ; сквозь разорванныя летѣвшія облака звѣз-

ды мелькали и исчезали; метель поднималась; но въ саду никого не было видно. Эвфалія, оставивъ окно, начала совершать свою вечернюю молитву: она молилась съ сердцемъ теплымъ, съ душею, обращенною только къ Богу: свѣтъ лампады озарялъ это на лицѣ ея. Потомъ она возвратилась въ спальню. Аннушка, кончившая свою обязанность, была отослана спать.

— «Соничка, знаешь-ли, кто эти воры?» сказала Эвфалія.

— «Ну, ты все играешь, Эвфалія.»

— «Нѣтъ, серьезно! — Не понимаю почему, только мнѣ сдается.... Да впрочемъ уже очень поздно, и зимою: вѣдь онъ знаетъ, что у насъ ставни....»

— «Кто такое онъ?»

— «Я думаю, Вольфгангъ.»

— «Это что еще за новости!...»

— «Такъ что-жъ такое? Вѣдь я тебѣ говорила, что мы нынѣшнее лѣто, — осо-

бенно когда вечера были потемнѣе, — часто разговаривали въ окно. Деревья, знаешь, такія добрыя: сквозь зелень ничего не видать съ бульвара. Папеньки или дома нѣтъ или — я ужъ знаю до котораго часу онъ въ кабинетѣ...

— «А еслибъ онъ васъ засталъ?....»

— «Ужъ я не знаю, что было бы?.... Да нѣтъ, вѣдь я всегда прислушивалась, пейдетъ-ли папенька; да притомъ-же мы разговаривали всегда недолго. — Ахъ! а вотъ ужасть была, какъ я въ обморокъ-то упала, когда Архиповна, помнишь, хотѣла-было все открыть папенькѣ....»

— «Я не понимаю!... ааа.... какъ хочется спать» говорила, зѣвая, Софья Васильевна, «я совсѣмъ не понимаю: чѣмъ онъ могъ тебѣ такъ понравиться! — Маленькій, — тебѣ совсѣмъ непара; тѣлодвиженія его такія простыя, какъ у Нѣмца мастероваго, что у насъ въ институтѣ замки чинилъ.»

— «Нѣтъ; а еслибъ ты видѣла меня въ то время, когда онъ началъ къ намъ ходить: такъ, я не знаю! — я, право, была, какъ въ небѣ!... Какъ я готовила урокъ свой ему — удивительно! — Какъ я не могла дождаться, чтобъ онъ поскорѣе пришелъ; а когда онъ уходилъ, то мнѣ такъ и хотѣлось съ нимъ-же бы уйти! — уйти, знаешь, куда-нибудь, гдѣ бы мы были только одни!... Теперь ужъ я совсѣмъ не то: я не говорю, чтобъ я его вовсе разлюбила; но я ужъ не рвусь его видѣть, какъ бывало прежде.

— «Ну, ужъ!» сказала Софья Васильевна, нѣсколько смягченная жарко раскаванною повѣстью Эвфаліи о первой любви. «Конечно онъ съ талантомъ; довольно милъ; но сравни его съ Кроткинымъ: какъ тотъ обходителенъ! Хоть военный, а какъ скроменъ, какой онъ gentil! Право, какъ твой папенька. — Вотъ съ нимъ васъ была бы пара!»

— «Ну, Сопичка, а Малинпнскій?.... а! ангельчикъ?...»

Тутъ Софья Васильевна, очень неравнодушная къ Малинпнскому, — молодому чиновнику, віолончелисту, посѣщавшему домъ Крупникова, — встревожилась и, желая исцѣлить неожиданную рану, начала: «Конечно не то, что твой вѣтреный Вольфгангъ. Ему еще и у насъ, въ институтѣ, запрещали слишкомъ вольничать: классныя дамы не позволяли ему брать дѣвицъ за руки, когда онъ объяснялъ, какъ должно держать руки за фортепіано. — Гм, да еще прошлую среду спрашиваетъ меня о Кроткинѣ: — *Какъ зовутъ этого минорнаго офицера?* — Туда-же насмѣхается! Забылъ, что самъ не иное что, какъ музыкантъ...!» —

Разговаривая такимъ образомъ, дѣвицы то вынимали серги изъ ушей; то снимали кольца съ рукъ; то надѣвали ночные чепчики, и каждая, особенно Эв-

фалія, обращала болѣе вниманія на эти предметы, нежели на слова говорившей; потому-то Эвфалія, взглянувъ на свой разорванный шарфъ, вдругъ прервала Софью Васильевну: «А какой, право, миленькій Вася!»

— «Какой это Вася?»

— «Вотъ что два мальчика Славеновы бываютъ у Дубиныхъ, такъ второй-то братъ. Я поимала его давеча, да вотъ такъ щечки и цѣловала; право съѣла бы ихъ! такія розовенькія! А онъ-то рвется отъ меня, ха, ха, ха!.... шарфъ мнѣ и разорвалъ.»

— «Ахъ, ты, вѣтреница!...» зѣвая, и безукорно сказала Софья Васильевна, подходя къ свой кровати.

— «Полно-ли вамъ ссориться-то, барышни?» сказала медленно вошедшая въ дверь старушка. «Пора бы ужъ вамъ угомониться: давно ужъ за-полночь!.... Легко-ль?.... Когда вторые пѣтухи про-

пѣли!.... А вы все-себѣ воркуете.... Ложитесь-ка, добро, ложитесь съ Богомъ!....»

— «А вотъ, Матрена Архиповна, вы меня не учили, какъ покупать матеріи, а все сами, да папенька: а теперь меня зато называютъ спесивою, что я не знаю, почемъ аршинъ кембрику на моемъ платьѣ.»

— «Кто тебя, родная моя, назвалъ спесивою? Кто тебя, дитятко, ты мое!... Ахъ они, безталанные! Ты, спесива! — горлинка ты моя!....» Приэтомъ старушка поцѣловала Эвфалію.

— «Вотъ сестрица Сонички! Заэто я къ нимъ, право, никогда не буду ѣздить.»

Тутъ Софья Васильевна, которой объ этомъ Эвфалія разсказала еще дорогою, поскорѣе улеглась въ постель, принудивъ себя сказать: «Оставь, Эвфалія; стоитъ-ли этимъ обижаться?»

— «И вподлинну, Эвфалія Дмитріевна, стòитъ-ли этимъ обижаться?» сказала старушка, желая въ памяти Софьи Васильевны истребить слово — *безталанные*, — которымъ она неосторожно оскорбила ея родныхъ. «Не бери всего къ сердцу, дорогая! Мало-ли что скажется безъ умыслу!.... Не всяка лыка въ строку!.... Сегодня скажется, завтра забудется!.... Собака лаетъ,... Тьфу, старая дура! что на меня нашло сегодня?.... Ложись, матушка, почивать: утро вечера мудренѣе.... Лягъ-ко, я тебя укутаю.... А молились-ли вы Богу, барышни?» живо спросила старушка.

— «Молились,» отвѣчали обѣ дѣвицы.

— «Да гдѣ-жъ? Вы все, кажись, говорили....»

— «Я въ той комнатѣ молилась,» сказала Эвфалія, «а Сонинка — здѣсь.»

— «Ну, такъ Христосъ съ вами! Спите покойно, почивайте. Я и свѣчку унесу; у

васъ лампада теплится . . . . *Господи, Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ!*» Говоря послѣднія слова вполголоса, словоохотная старушка вышла изъ спальни, въ которую цѣлыми роями впорхнули сновидѣнія и надъ головами дѣвушекъ стали совершать свои плѣнительныя чары.

*
* *

Но мучительное предчувствіе не оставило Эдуарда и во время ночи. Едва онъ задремалъ, какъ воображеніе перенесло его въ домъ Крупникова, для выполненія учительской обязанности. Онъ блаженствовалъ: онъ сѣлъ возлѣ Эвфаліи за рояль. Но только лишь она коснулась клавишей — всѣ струны вдругъ лопнули и, какъ змѣи, зашипѣли, а по залу прошелъ глухой стонъ.... Тотчасъ заэтимъ явился Крупниковъ и просилъ Эдуарда оставить уроки до тѣхъ поръ, пока не

починятъ рояль.... Когда въ залѣ Эдуардъ очутился одинъ, то, осмотрѣвъ порвавшіяся струны, замѣтилъ, что всѣ онѣ были подпилены.... «А! такъ вы со мною такъ-то поступаете?....» подумалъ онъ и быстро вышелъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вбѣжалъ туда опять съ пистолетомъ въ рукахъ. Наполненный пышнонаряженными гостями, залъ былъ освѣщенъ люстрами, канделабрами; въ переднемъ углу у образа горѣла восковая свѣча, и священникъ совершалъ обрученіе Эвфаліи съ офицеромъ Кроткинымъ.... «Постойте!» кричалъ, задыхаясь, Эдуардъ, «постойте!» и навелъ пистолетъ на лобъ свой. «Постой....» пробуждаясь, хотѣлъ онъ кричать, и очнулся, сидя на диванѣ. Онъ слышалъ послѣдній крикъ свой впросонкахъ; чувствовалъ еще дрожаніе губъ своихъ; дышалъ тяжело и не могъ уже сомкнуть глазъ: сонъ оставилъ его. Два окна, нарисованныя серебрянымъ свѣ-

томъ луны на полу его комнаты, мракъ, спрятавшійся по угламъ и тишина, наполнявшая ее, представляли что-то намогильное. Эдуардъ съ трудомъ припомнилъ гдѣ онъ и подошелъ къ окну. Сквозь бриліантовыя отъ мороза стекла видѣлъ онъ, какъ метель крутила снѣговые вихри; какъ мелькавшія звѣзды то трепетали, то вдругъ исчезали между быстро летѣвшихъ дымчатыхъ облаковъ. Приложивъ руку ко лбу и поникнувъ въ такомъ положеніи на оконную раму, онъ припомнилъ, изъ недавно читанной ему матерью, Бюргеровой Леноры, стихъ:

Graut Liebchen auch?... Der Mond scheint hell,
Hurrah! die Todten reiten schnell! *

Его окна были обращены къ той сторонѣ, гдѣ лежитъ Смоленское кладбище.

* Не страшно-ль? — Мѣсяцъ свѣтитъ намъ!
Гладка дорога мертвецамъ!....

В. А. Жуковскій.

Холодъ заставилъ его отойти отъ окна. Въ возмущенномъ состояніи духа, Эдуардъ повторялъ только одно слово: «Завтра!»

Ни спать, ни лежать уже онъ не могъ, хотя спалъ неболѣе получаса. Но до *завтра* было еще долго; а сердце Эдуарда разрывалось: онъ одѣлся; въ однихъ чулкахъ и съ сапогами въ рукѣ миновалъ спальню своей матери; въ передней совершенно одѣлся и, никого не будивъ, вышелъ изъ дому.

Въ самомъ дѣлѣ стукъ въ окно, напугавшій такъ Софью Васильевну, былъ произведенъ Эдуардомъ, который, замѣтивъ огонь въ домѣ Крупникова, вошелъ въ садъ и началъ взбираться, цѣпляясь по стѣнѣ, къ ставенному отверстію, въ надеждѣ увидѣть Эвфалію; но, оступившись, оборвался и опрометью выбѣжалъ изъ сада. Дорогою его разгоряченная кровь и воображеніе нѣсколько остыли: и тутъ-

то совѣсть начала вступать въ свои права. Онъ сильно чувствовалъ ея упреки. Черезъ три недѣли долженъ былъ онъ играть въ концертѣ, — а назначенная для того піеса уже трое сутокъ не была въ рукахъ его; ему припомнились начальныя жаркія занятія музыкою, поощренія людей благонамѣренныхъ, хвалы и рукоплесканія; онъ вспомнилъ добраго Бека, — умершаго своего учителя, достойнаго старика, который навелъ его на путь, указалъ цѣль на этомъ пути, и завѣщалъ ему не оставлять фортепіано, какъ лучшаго друга; онъ вспомнилъ своего благодѣтеля Бека и устыдился самъ себя, — и спѣшилъ домой терзаемый страстью, сомнѣніями, предчувствіемъ, угрызеніями совѣсти. Войдя также тихо въ домъ, какъ и вышелъ изъ него, Эдуардъ остолбенѣлъ у дверей залы, въ которую быстро вошелъ. Прямо противъ него у рояля, при фосфорическомъ свѣтѣ

луны, наполнявшемъ всю комнату, въ черномъ одѣяніи, въ бѣломъ саванѣ, стоялъ покойный Бекъ и перелистывалъ ноты. Смертная блѣдность покрывала лице старика, но съ бывалымъ добродушнымъ упрекомъ взглянулъ онъ на своего любимца. Эдуардъ, вышедъ изъ онѣмѣнія, хотѣлъ кричать, но вспомнилъ о спящей въ ближайшей комнатѣ матери; хотѣлъ двинуться съ мѣста — видѣнія уже не было, и онъ насилу приблизился къ возлѣ стоявшимъ кресламъ и опустился на нихъ въ безпамятіи. Чрезъ часъ очнулся онъ и, какъ выздоравливающій больной, еще безъ надежды и безъ отчаянія, ни сильный, ни слабый, безъ мысли, безъ чувства, отяжелѣлый какъ трупъ, улегся онъ на диванъ — и заснулъ.

Легкокрылый сонъ! хоть ты лелѣй страдальца; лелѣй его въ часы ночные до новаго дня, до новыхъ, можетъ быть, страданій; но лелѣй его въ часы ноч-

ные! — Между тѣмъ мы раскроемъ нѣкоторыя страницы изъ книги прежнихъ дней Эвфаліи и Эдуарда.

II.

II

I

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила....

А. С. Пушкинъ.

O! meines Lebens gold'ne Zeit....

Ф. Шиллеръ.

Готовность помогать ближнему, подкрѣпляемая словами Священнаго Писанія, есть одинъ изъ огней Русскаго сердца. Купецъ Навѣтовъ, бывъ по торговымъ дѣламъ на Кавказѣ, купилъ двухъ дѣвочекъ, которыхъ хищный Лезгинъ готовилъ на жертву своему корыстолюбію. Въ Петербургѣ увидѣлъ этихъ дѣ-

вочекъ зажиточной купецъ Крупниковъ, большой пріятель Навѣтова: и послѣдній охотно уступилъ Крупникову меньшую изъ дѣтей, особенно понравившуюся Вѣрѣ Александровнѣ, женѣ его. Навѣтовъ купилъ ихъ для своего домашняго служенія, что и досталось на долю старшей довольно неблагообразной и тупоумной дѣвочкѣ. Но другая участь ждала младшую въ домѣ Крупникова. Вѣра Александровна была воспріемницею ея во Святомъ крещеніи, и по желанію крестной матери, новокрещенную наименовали Эвфаліею. Съ этой поры Крупниковы сдѣлались нѣжнѣйшими родителями своему пріемышу. Странности маленькой Эвфаліи забавляли Вѣру Александровну, тридцатилѣтнюю, образованную и добрую женщину, которой желанія были закономъ для мужа. Эвфалію окружили всѣмъ, чѣмъ окружили бы они свою родную дочь, желая сохранить въ

ней доброе сердце и образовать умъ. Знакомка наша, Матрена Архиповна, забавлявшая куклами Вѣру Александровну въ ея дѣтствѣ, и постоянно жившая въ домѣ Крупникова, сдѣлалась теперь нянею Эвфаліи. Дѣвица, воспитанная въ одномъ изъ казенныхъ заведеній, приходила ежедневно давать Эвфаліи первоначальные уроки въ Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и законѣ Божіемъ, также въ нѣкоторыхъ рукодѣліяхъ. Крупниковъ платилъ этой дѣвушкѣ дороже, нежели бы стоило ему содержаніе ея дома; но онъ хотѣлъ, чтобы Эвфалія развивалась болѣе сама собою, нежели подражательно: въ этомъ случаѣ онъ соображался съ собственнымъ своимъ воспитаніемъ. Черезъ полтора года мѣсто учительницы начали заступать учители; мадамъ N стала давать Эвфаліи уроки на фортепіано. Скоро въ ней осталось только лице

Черкешенки, а всѣ странности Кавказской урожденки отпали подъ вліяніемъ попеченія родителей и наставниковъ. Ей наступалъ двѣнадцатый годъ. Мать любовалась ея милымъ Французскимъ лепетомъ, хотя Эвфалія не совсѣмъ охотно это дѣлала: восточная лѣнь не вовсе въ ней истребилась. Уже мать напередъ радовалась, что скоро надо будетъ купить для дочери рояль и нанять хорошаго учителя; даже составляла планы для ея замужества, — но смерть увела добрую Вѣру Александровну съ пути благодѣяній.

У Крупникова пропалъ однажды билетъ въ пятьдесятъ тысячъ рублей: — и онъ отказалъ одному изъ служившихъ у него въ конторѣ, который уже давно былъ ему непріятенъ и подозрителенъ, и запретилъ вспоминать объ этомъ случаѣ, сказавъ угрюмо: «Богъ далъ, Богъ и взялъ!» Но лишась жены, прекрасной

спутницы своей въ жизни, онъ черезъ недѣлю только могъ сказать: «Эта потеря тяжела!» Только черезъ недѣлю приступилъ къ своимъ дѣламъ; а дотолѣ — одна Эвфалія могла получить отъ него слово или поцѣлуй; причемъ горячія слезы лились изъ глазъ вдовца. Съ этого времени всю любовь, которую дѣлилъ онъ между женою и Эвфаліею, обратилъ онъ на одну Эвфалію, тѣмъ болѣе, что въ нее перешло многое изъ незабвенной души покойной жены его. Матрена Архиповна получила полное распоряженіе въ домашествѣ.

Траурный годъ прошелъ; у Крупникова опять начали собираться любители музыки. Но въ первый вечеръ, когда, по его желанію, стали играть надгробный хоръ, изъ оперы: Капулетти и Монтеки,— онъ, сидя на диванѣ, подозвалъ къ себѣ Эвфалію, обнялъ ее, склонился своею сѣдѣвшею головою къ ея лилейно-розо-

вому лицу и залился горькими слезами. Эвфалія одною ручкою отирала свои слезы, а другою, вынувъ платокъ изъ кармана отца, подала ему. Но музыкальный вечеръ этимъ не былъ нарушенъ, и такіе вечера составлялись почти каждый четвертокъ: они теперь приносили Крупникову двойное удовольствіе: одно — была сама музыка, которую онъ любилъ до страсти, и, можетъ быть, потому и оставилъ нѣкогда скрипку, что не имѣлъ времени сдѣлаться хорошимъ музыкантомъ; другое удовольствіе — была мысль, что эти вечера будутъ улучшать слухъ и вкусъ Эвфаліи.

Странно, что Крупниковъ дозволилъ Василью Екимычу Дубину учить Эвфалію пѣнію. Хотя Василій Екимычъ обладалъ удивительнымъ басомъ, но Василій Екимычъ умѣлъ на скрипкѣ только *задать тонъ* и *сыграть шкалу*, и то невсегда вѣрно. Впрочемъ — новая странность!

Василій Екимычъ училъ тогда пѣнію въ одномъ женскомъ институтѣ, гдѣ, за неловкость и за неизмѣнно произносимое о во всѣхъ случаяхъ, по простонародному нарѣчію, всѣ милыя пѣвицы называли его — конечно только между собою — Медвѣдемъ Екимычемъ. Унего-то Эвфалія выучила нѣсколько гимновъ, пѣсней и особенно — любимую отцемъ: *Защитника Петрова града*, — которую пѣвала съ хоромъ трехъ, четырехъ человѣкъ, иногда и съ большимъ числомъ любителей. У Василья-же Екимыча пріобрѣла она искуство, — и вѣроятно самоучкой, — *пускать октаву;* и это искуство иногда показывала она въ привольномъ кругу, какъ напримѣръ, у Дубиныхъ: сложивъ ручки крестомъ на груди, принявъ серьезный видъ и выдвинувъ грудь нѣсколько впередъ, она растворяла свой розовый ротикъ, подобно тому, какъ растворены рты у всѣхъ

дельфиновъ, которые изображаются на нѣкоторыхъ лодкахъ и какъ, вѣроятно, растворялъ самъ maestro di musica, Василій Екимычъ; — при этомъ положеніи въ гортанѣ рѣзвой Эвфаліи слышалось хрипѣніе: это была октава, и насмѣшница хохотала. Но это было уже по окончаніи курса пѣнія; слѣдовательно гораздо позже того времени, о которомъ мы теперь повѣствуемъ. Эвфаліи наняты были еще учители Италіанскаго и Англійскаго языковъ; но, по желанію Крупникова, они неслишкомъ неволили ее: и потому успѣхи были незначительные. На пятнадцатомъ году, въ день именинъ, получила Эвфалія, въ подарокъ отъ отца своего, рояль, а вскорѣ и новаго учителя музыки, котораго рекомендовалъ Василій Екимычъ. Новый учитель былъ— Эдуардъ Вольфгангъ.

*

* *

Отецъ Эдуарда, Богданъ Готлибъ Эдуардъ Вольфгангъ, былъ одинъ изъ тѣхъ странныхъ людей, которые для своихъ стремленій безпрестанно мѣняютъ цѣли: охладѣвъ на пути къ одной, они съ новымъ жаромъ стремятся къ другой, и не получивъ желанныхъ успѣховъ отъ этой, идутъ къ новымъ цѣлямъ, имѣя въ запасѣ прежнее упрямство, досаду, или привычное хладнокровіе. Когда юношескія надежды Богдана Вольфганга, вскормленныя и взлелѣянныя неумѣренными похвалами, не сбылись: онъ не сдѣлался виртуозомъ на фортепіано, то онъ вступилъ въ купеческую контору; но счеты съ ихъ грохотомъ и косточками, разсѣянность, свойственная музыканту, неумѣніе отдѣлываться отъ насмѣшекъ комми и время, поглощаемое сухими конторскими дѣлами, заставили его черезъ мѣсяцъ, по вступленіи въ контору, сдѣлаться органистомъ въ

одной изъ Рижскихъ церквей, и фортепіаннымъ учителемъ. Но едва почувствовавъ себя въ своей стихіи, Богданъ Вольфгангъ началъ заботиться о совершенномъ устройствѣ и улучшеніи своего домашняго быта. Нестранно-ль? послѣ ревностнаго желанія — сдѣлаться виртуозомъ, началъ заботиться объ удобствахъ жизни!—Мысль—сдѣлаться мужемъ бѣдной, кроткой дѣвушки; сдѣлаться отцемъ-воспитателемъ, занимала его: онъ уже съ нѣкоторымъ гордымъ самодовольствіемъ смотрѣлъ на себя, какъ на благотворителя: и среди этихъ размышленій чуть-было не забылъ, что для предполагаемаго блаженства не должно ему, какъ нѣкогда для конторскихъ занятій, оставлять фортепіано. Ксчастію любовь къ музыкѣ равнялась въ немъ съ его странностями. Бѣдная дочь покойнаго пастора той церкви, при коей Богданъ Вольфгангъ былъ органистомъ,

сдѣлалась его подругою. Первый плодъ этого брака былъ Эдуардъ. Отецъ рѣдко бралъ его на руки, но часто за сигарою раздумывалъ о выборѣ для него благороднаго званія. На контору записать его онъ не хотѣлъ: эта обязанность сдѣлалась ему отвратительна по собственному его опыту; въ ученомъ званіи онъ не хотѣлъ его видѣть, потому-что «*этотъ классъ людей*» по его словамъ «*слишкомъ много о себѣ думаетъ; такой педантъ: все знаетъ! — Развѣ въ пасторы?....* думалъ онъ; «*между тѣмъ буду его занимать музыкою: можетъ быть, онъ будетъ виртуозъ....*» Такія или подобныя думы посѣщали отца вечеромъ, послѣ дневныхъ занятій и послѣ чаю и оканчивались выкуреніемъ сигары; и тогда онъ обыкновенно садился за фортепіано или за книгу, если не было уроковъ; а кругъ его знакомства былъ очень ограниченъ: въ этомъ случаѣ

Богданъ Вольфгангъ принадлежитъ къ тѣмъ счастливцамъ и къ тѣмъ несчастливцамъ, которые живутъ болѣе въ своемъ мечтательномъ мірѣ. Военное и гражданское состояніе не приходили ему на мысль: первыхъ называлъ онъ — Windbeutels, а чиновниковъ — arme *поденьщики.* — Лелѣя такимъ образомъ каждое новое дитя, или лучше, самаго себя, онъ предоставилъ все попеченіе о нихъ женѣ своей, которая считала эту обязанность величайшимъ для себя наслажденіемъ. Какъ читателю? а мнѣ нравится, когда первыми воспитателями у насъ: женщина да природа; впослѣдствіи между ними долженъ быть главнымъ лицемъ мужчина. Не такъ-же-ли земля и природа образуютъ хлѣбное зерно, которому въ послѣдствіи земледѣлецъ даетъ надлежащій видъ для употребленія? Но вотъ бѣда, ежели земледѣлецъ пропуститъ время жатвы.... И бури и

непогоды, или холодъ предупредятъ его!...

Да и жена, облегчившая труды мужа, для блага семейства и общества, конечно вмѣстѣ съ мужемъ получаетъ право на признательность, не только семейства, но и общества.

Миръ праху твоему, добродѣтельная М! Ты первая возбудила во мнѣ эту мысль: — съ той минуты я лучше цѣню и свою мать, которой лишился еще въ раннемъ дѣтствѣ!

Жена Вольфганга, принявъ на себя всю обязанность воспитанія, старалась всегда о сохраненіи въ дѣтяхъ должныхъ чувствованій къ отцу; но, по недостатку-ли времени, или по неумѣнію, или по винѣ самаго отца, внушала къ нему болѣе осторожности и страха, нежели любви. Она усердно отводила дѣтей своихъ отъ тѣсныхъ связей съ дѣтьми неблагонравными. Въ семействѣ ея замѣчалась всегда опрятность и аккуратность. Но между

братьями своими отличался во всемъ Эдуардъ, хоть напримѣръ въ играхъ: братья играли только по склонности возраста своего; Эдуардъ-же както пристращался къ своимъ игрушкамъ: тотчасъ послѣ ученья, которымъ занималась сама мать, маленькій Эдуардъ, хотя и послушное дитя, но тупой ученикъ, принимался за игрушки, между которыми всегда любилъ имѣть въ маломъ видѣ то, что нравилось ему въ домашнемъ быту; особенно картинки и другія украшенія, какія-бы то ни были: воображеніе его дополняло недостатки; и онъ очень сердился, когда въ его уголку растроивали тотъ порядокъ, который онъ вводилъ. Онъ любилъ также самъ дѣлать нѣкоторыя вещи; даже неразъ принимался за невыполнимыя для него: такъ однажды вздумалъ онъ сдѣлать маленькое фортепіано, и горько плакалъ, когда кто-то изъ братьевъ, по неосторожности, раскололъ ту

дощечку, которую онъ нашелъ на дворѣ, гдѣ жили столяры, и которая формою своею подала ему поводъ къ мнимой работѣ. Но замѣчательнѣе всего была въ немъ музыкальная способность. Еще пятилѣтній ребенокъ, выводилъ онъ голоскомъ уже многія мѣста изъ тѣхъ піесъ, которыя отецъ часто игрывалъ. Для музыки, гдѣ бы ее не услыхалъ, оставлялъ онъ любимѣйшія свои игрушки, и заслушивался какъ мечтатель. На осьмомъ году онъ, подъ руководствомъ отца, очень хорошо разбиралъ ноты; и при всей вспыльчивости своего руководителя, не охладѣвалъ въ изученіи музыки: по особенной-ли привязанности къ ней и потому, что мать умѣла его поддержать, или по какому-нибудь инстинктивному уразумѣнію того, что ошибки, дѣланныя имъ въ играемыхъ піесахъ, были невольныя и неизбѣжныя, а учитель былъ вспыльчивъ по природѣ.

Такъ это семейство, хотя не богато, но безбѣдно существовало уже девятый годъ; вдругъ для неугомоннаго духа Богдана Вольфганга явилась новая цѣль. Въ одной изъ церквей Прусскаго города, Мемеля, открылась ваканція органиста, которую, жившій тамъ дядя Вольфганга, надѣялся доставить своему племяннику. Онъ писалъ ему, поспѣшить прибытіемъ. Мѣсто одно уже вдвое выгоднѣе было того, которое Вольфгангъ занималъ; а притомъ еще много учениковъ осталось отъ предмѣстника и готовая квартира въ домѣ дяди, богатаго купца. Но покуда племянникъ за сигарою обдумывалъ это предложеніе и хвалилъ добродушіе дяди; покуда строилъ планы въ будущемъ; покуда рѣшался, собирался, ѣхалъ — ваканція была уже занята. Богданъ Вольфгангъ узналъ объ этомъ хладнокровно; только дядя, досадуя на неудачу, принялъ всѣ путевыя его издержки на свой счетъ.

Вольфгангъ возвратился въ Ригу къ своей должности; но, замѣтивъ, что прихожане были довольнѣе игрою занимавшаго его мѣсто, во время отсутствія, почти готовъ былъ пріискивать новое мѣсто.

При такомъ образѣ жизни отца, Эдуардъ развивался болѣе естественно, не смотря на всю заботливость матери. Онъ не могъ, какъ братья его, довольствоваться только слѣпымъ выполненіемъ приказаній и совѣтовъ; не могъ уже и довольствоваться подражаніемъ только тому, что его окружало. Одна поэзія, — путеводная звѣзда генію и таланту,— мощно влекла его ко всему прекрасному, представляла ему порокъ въ отвратительномъ видѣ. Но облака и тучи заслоняютъ иногда и эту благодѣтельную звѣзду; да и нравъ Эдуарда имѣлъ нужду въ правилахъ твердыхъ. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра; и отсутствіе Богдана Вольфганга въ Мемель имѣло хорошее слѣдствіе для Эду-

арда въ музыкальномъ отношеніи. Отецъ поручилъ его фортепіанному учителю Беку. Этотъ человѣкъ такъ замѣчателенъ, что я необходимымъ считаю сказать о немъ нѣсколько словъ.

Бекъ на шестнадцатомъ году лишился своихъ родителей, отъ которыхъ получилъ въ наслѣдство почти только фортепіано, да искуство хорошо на немъ играть. Отецъ и думалъ-было доставить ему средство — быть фортепіаннымъ учителемъ; но пытливость духа побудила молодаго Бека не удовольствоваться этимъ и вступить въ Лейпцигскій университетъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, постоянно любимыми его предметами было все то, что хоть сколько-нибудь относилось къ поэзіи. Нѣкоторые изъ товарищей не разъ безсмысленнымъ смѣхомъ прерывали его декламацію, которую онъ совершалъ гдѣ-нибудь въ чащахъ лѣса, на Плейскихъ берегахъ. Черезъ два года, по вступленіи

въ университетъ, молодой Бекъ сошелся какъ-то въ трактирѣ съ актерами, ѣхавшими въ Ригу. Разсказы объ образѣ ихъ жизни такъ плѣнили Бека, что онъ на другой день, въ томъ же самомъ трактирѣ, праздновалъ прощальный вечеръ со своими товарищами, которые черезъ недѣлю, не видя уже съ собою Бека, удивлялись его поступку, не смотря на то, что прежде всегда называли его глупымъ мечтателемъ. Труппа, къ которой присоединился молодой человѣкъ, какъ и всѣ подобныя труппы, недолго имѣла свое пребываніе въ Ригѣ: и Бекъ, не нашедшій въ ней того, чего сулило ему воображеніе, и болѣе скромный домосѣдъ, нежели безотчетный искатель приключеній, не безъ раскаянія покинулъ навсегда сценическое искуство, и тѣмъ скорѣе, что могъ сдѣлаться музыкальнымъ учителемъ въ Ригѣ, гдѣ уже во многихъ домахъ успѣлъ пріобрѣсть имя любезнаго

знакомца. Это неудивительно въ добрыхъ семействахъ: человѣкъ съ талантомъ, человѣкъ съ способностями и притомъ негордый, всегда радушно у нихъ принятъ. Чувствительныя Нѣмки ахали, задумывались и вздыхали, когда Бекъ дѣлалъ имъ какой-нибудь Ohrenschmaus, т. е., игралъ что-нибудь на фортепіано. Матери, особенно имѣвшія дочекъ-невѣстъ, ласкали Бека; ученики любили его; изъ нихъ тольковсе бездарные ждали его прихода неохотно; да и тѣхъ онъ умѣлъ иногда привлекать къ занятію. Перевороты въ жизни Бека: неожиданная смерть родителей, безвременное оставленіе университета и напрасный шагъ на сцену, разочарованія въ любви и дружбѣ, и другія житейскія неудачи имѣли надъ нимъ только то дѣйствіе, что онъ послѣ каждаго приключенія нѣсколько времени разрушался, а потóмъ силою разсудка вставалъ изъ своего сокрушеннаго состоянія, окрѣплял-

ся терпѣніемъ, и пріобрѣталъ болѣе и болѣе той необходимой для общежитія мудрости, которая дѣлаетъ насъ столько снисходительными къ слабостямъ ближнихъ и вмѣстѣ столько полезными совѣтодателями или хоть пріятными собесѣдниками. Постоянно преслѣдуя свои мечты, Бекъ вздумалъ однажды сосредоточить ихъ всѣ въ бракѣ; но, разочарованный прихотями, нетерпѣніемъ, взыскательностью молодой вдовы, на которой женился и которую черезъ полгода, со слезами, похоронилъ, онъ пересталъ искать идеала на землѣ и утѣшался только въ мірѣ фантастическомъ. Иногда жертвы Бахусу или Киприде составляли всю его слабость и порокъ, которые онъ, кажется, искупалъ своими трудами и благодѣяніями. Радушный участникъ въ веселыхъ обществахъ, онъ терпѣливо уклонялся отъ всѣхъ непріятностей и, не порицая строго разгулья и удальства молодости, душевно

не терпѣлъ ихъ. Этому-то практическому мудрецу достался Эдуардъ въ ученики на фортепіано. Въ то время уже и наружность пятидесятилѣтняго Бека возбуждала къ нему уваженіе: лѣта и приключенія убѣлили его голову и избраздили лице; но, какъ двѣ звѣзды между зимними облаками, блестѣли глаза его огнемъ благонамѣренія и бодрости.

Добрый Бекъ скоро замѣтилъ въ Эдуардѣ то, въ чемъ отецъ его уже отчаявался, и именно страстную охоту къ музыкѣ и стараніе придавать чувство играемой піесѣ. Какъ хорошій знакомый родителямъ, Бекъ, полюбивъ Эдуарда и понявъ вѣрно этого ребенка, умѣлъ привязать его къ себѣ: послѣ чего успѣхъ конечно не удивителенъ и малютка, послѣ каждаго урока, охотнѣе садился за фортепіано. Отецъ, возвратясь изъ Мемеля и видя пріятную перемѣну въ игрѣ сына, рѣшился оставить его подъ руко-

водствомъ Бека, тѣмъ болѣе, что онъ взялъ небольшую плату, да и отцу наскучила уже безпрестанная вспыльчивость съ ребенкомъ. Между средствами, которыя употреблялъ благоразумный учитель для ободренія ученика, замѣчательно, что онъ даривалъ иногда маленькому Эдуарду лучшія изъ появлявшихся музыкальныхъ піесъ; но чаще приносилъ ему гостинцы, коихъ достоинство уменьшалъ добродушно насмѣшливымъ сравненіемъ съ сонатами, операми, симфоніями. У Бека бывали музыкальные вечера: они составлялись неболѣе какъ изъ четырехъ или пяти человѣкъ, но всегда такихъ-же солидныхъ, какъ и піесы, которыя они играли. На этихъ вечерахъ Эдуардъ всегда находился, сначала незамѣтнымъ, скромнымъ слушателемъ, а впослѣдствіи иногда и участникомъ. Съ какою радостію-бывало игралъ онъ на этихъ вечерахъ свои небольшія произведенія и какъ добрые

музыканты умѣли поощрять его!.... Такимъ образомъ, въ продолженіи трехъ лѣтъ, Эдуардъ приготовился въ ученики знаменитому тогда виртуозу — Фильду. Ксчастію въ Петербургѣ, гдѣ жилъ тогда Фильдъ, открылась при одной изъ Лютеранскихъ церквей ваканція органиста, которая досталась Богдану Вольфгангу. — Въ слезахъ растались учитель и ученикъ. Добрый, почтенный Бекъ гордился ученикомъ своимъ на музыкальныхъ вечерахъ у многихъ жителей Риги, иногда, для собственнаго удовольствія, игрывалъ съ нимъ въ четыре руки, подъ его игру забывался, или съ отрадною грустію вспоминалъ давно улетѣвшія прекрасныя минуты своего дѣтства.... Эдуардъ бросался иногда на шею старику, получивъ для урока хорошую піесу и вмѣстѣ самое добродушное одобреніе.... О, тяжело расставаться чувствительному ребенку съ добрымъ и достойнымъ наставникомъ!

«Послушай, Эдуардъ,» сказалъ наконецъ старикъ, отирая слезы и стоя у экипажа, готоваго увезть семейство Вольфганга и отнять у Бека еще одну отраду, «послушай, когда ты будешь въ первый разъ играть въ концертѣ, то пришли мнѣ билетъ: я пріѣду тебя слушать!» — «Черезъ годъ, отъ нынѣшняго дня, пришлю я вамъ билетъ, г. Бекъ! сказалъ восторженный мальчикъ. «Ну, ну, нетакъ скоро,» пробормоталъ отецъ. «Хорошо! хорошо!» сказалъ улыбаясь Бекъ, и экипажъ поѣхалъ изъ Риги.

Въ Петербургѣ отецъ отдалъ Эдуарда вмѣстѣ съ двумя его братьями въ Нѣмецкое училище Св. Петра, для продолженія прерваннаго ученія въ Ригѣ. Братья Эдуарда учились, какъ и многіе изъ насъ, милостивые государи, тому, чему ихъ учили; приноровлялись къ правиламъ общества, и, кончивъ полный курсъ въ училищѣ, отправились въ Москву, гдѣ полу-

чили мѣста: одинъ въ купеческой конторѣ, а другой по гражданской службѣ. Отецъ, испытавъ трудность получать мѣста, не противился уже ихъ выбору. Надобно отдать справедливость благоразумію тогдашнихъ наставниковъ училища: они, видя небольшія способности Эдуарда и еще меньшіе успѣхи и предувѣдомленные директоромъ, по просьбѣ отца, о музыкальныхъ его занятіяхъ, смотрѣли на классныя его занятія сквозь пальцы, чему много содѣйствовало и скромное поведеніе Эдуарда. Здѣсь онъ сдружился съ Клингенау; прочіе соученики называли его то хорошимъ малымъ, — когда онъ радушно дѣлился съ ними гостинцами или откровенностію, то флегмою, — когда онъ, сидя, смотрѣлъ на ихъ бѣготню и радостные крики. Клингенау любилъ музыку и, по приглашенію Эдуарда, началъ было учиться у него на фортепіано, но, за недостаткомъ терпѣнія, скоро оставилъ это. А

Эдуардъ, привыкнувъ нѣсколько къ преподаванію и, оставивъ черезъ полтора года, съ согласія отца своего, училище, чтобы удобнѣе заняться у Фильда, началъ давать уроки на фортепіано.... Музыка сдѣлалась для него единственнымъ занятіемъ и — надобно отнести къ чистотѣ юнаго сердца его — единственнымъ наслажденіемъ. Онъ посѣщалъ бывшую тогда въ Петербургѣ Италіянскую оперу, концерты, музыкальные вечера. Скоро начали подстрекать его самолюбіе нельстивыми вопросами: *Когда-то мы услышимъ васъ въ Филармоническомъ Залѣ?* и т. п. — Около этого времени Эдуардъ писалъ, весьма дурнымъ и скорымъ почеркомъ, къ Клингенау, отлучившемуся въ Ревель, для свиданія съ родными: «Donnerwetter! *братецъ, пріѣзжай къ намъ: чрезъ мѣсяцъ буду я играть въ концертѣ у г. К. — Ты долженъ непремѣнно тутъ-же быть — И страшно. и*

весело! — Я буду играть, знаешь, то рондо Калькбреннера, которое тебѣ такъ нравилось: теперь я его репетирую каждый день разъ-по-двадцати, хотя ужъ знаю его какъ одиножды одинъ. — Еще скажу тебѣ радость: по рекомендаціи г. Фильда и по протекціи одного Русскаго генерала, я получилъ мѣсто въ казенномъ женскомъ заведеніи. Сколько тутъ хорошенькихъ!... Только, братецъ, не знаешь-ли, гдѣ бы достать души, которой не достаетъ многимъ изъ моихъ миленькихъ учениць. Одна изъ нихъ — правда, ужъ настоящая невѣста — сказала мнѣ: «ну, да вѣдь я такъ играю, какъ на нотахъ; а что-жъ мнѣ дѣлать, если ужъ у меня нѣтъ души.» — И смѣхъ, и горе!... Что я еще хотѣлъ тебѣ сказать?.... Да; смотри же, будь къ концерту здѣсь: ты долженъ слушать, что будетъ говорить публика о моей игрѣ. Впрочемъ, кажется, черезъ

двѣ недѣли—срокъ твоему отпуску.... Къ моему доброму Беку я ничего объ этомъ концертѣ не писалъ: я послалъ къ нему только билетъ съ афишкою, въ которой, разумѣется, стоитъ и мое имя. Для тебя билетъ у меня есть.» Это письмо заключалось словами: «*Прощай,* hol dich der Kuckuck! *и проч. и проч.*»

II.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.
. . . . . .
И сердце бьется въ упоеньѣ. . .

А. С. Пушкинъ.

Не говоря объ упомянутомъ концертѣ, который для посѣтителей былъ, какъ и всѣ концерты, бывавшіе въ Филармоническомъ Залѣ, у Казанскаго моста, нельзя умолчать о происшествіи съ Эдуардомъ: оно было началомъ одного изъ

тѣхъ, которыя опредѣляютъ послѣдующую жизнь человѣка, выходящаго изъ круга обыкновенныхъ людей.

Въ концертномъ залѣ Фильдъ, всегда полный звуковъ и равно-любезныхъ ему паро́въ, сидѣлъ рядомъ съ Бекомъ. Оба они усерднѣе всѣхъ и съ безпечностію ребенка апплодировали Эдуарду. Возлѣ Бека сидѣла мать Эдуарда, отиравшая слезы при каждомъ апплодисементѣ публики, прерывавшемъ игру сына, а возлѣ нея отецъ съ самодовольствіемъ постукивалъ въ табакерку.

Эдуардъ кончилъ свою партію и, смущенный застѣнчивостію, тщеславіемъ и недовѣріемъ, спѣшилъ сквозь хвалы и комплименты, которыми стрѣляли въ него музыканты, спѣшилъ выйти изъ оркестра. Но тутъ встрѣтилъ его новый залпъ похвалъ и одобреній: правда, онъ былъ нетакъ опасенъ, какъ со стороны музыкантовъ, зато казался ужаснѣе,

потому-что произведенъ былъ генераломъ N, доставившимъ ему казенное мѣсто, и еще нѣсколькими, весьма замѣтными, военными и штатскими особами, и все это передъ цѣлымъ рядомъ блистательнѣйшихъ дамъ, изъ коихъ каждая или пропѣла или крикнула ему, разговаривая съ сосѣдами: «Merci, Monsieur!—Съ какимъ чувствомъ! —Сколько живости! — Прелесть! —Charmant! Charmant!» Подошедъ къ знакомымъ уже намъ лицамъ, Эдуардъ остановился подлѣ Фильда, который, одобривъ его игру, замѣтилъ и нѣкоторыя погрѣшности. Эдуардъ говорилъ, что, явясь къ роялю, онъ долго никого и ничего не видалъ и дотого приведенъ былъ въ замѣшательство, что игралъ только на-память. Бекъ спросилъ: что говорилъ ему генералъ N? «Онъ изъявилъ свое удовольствіе» сказалъ улыбаясь Эдуардъ «въ томъ, что могъ своимъ ходатайствомъ доставить заведенію такого *прекраснаго*

учителя.» Между тѣмъ Фильдъ, посматривая на Эдуарда, замѣтилъ: «Ну, что онъ такъ часто поглядываетъ туда назадъ?» Бекъ оглянулся и съ улыбкою проговорилъ: «Эй, junges Blut! молодая кровь!» Эдуардъ вспыхнулъ. Фильдъ, трепля его по плечу, сказалъ: «Ничего, ничего, bon homme!» Подошедшій въ эту минуту Клингенау, почти на-ухо, сказалъ Эдуарду: «Вотъ-то хорошенькая!» Но Эдуардъ, сжавъ ему руку, дѣлалъ видъ, будто ничѣмъ особенно не привлеченъ; и только что вышелъ опять солистъ, какъ Эдуардъ спѣшилъ удалиться со своимъ другомъ, боясь, чтобы его похвалы не коснулись божественной невинности. Только издали, подъ упоительные звуки флейты, наслаждался онъ прелестію незнакомки. Сидя возлѣ почтеннаго пожилаго мужчины, который, сложивъ руки на колѣна и склонясь головою, внимательно слушалъ музыку, казалась она розою,

расцвѣтшею подъ сѣнію тополя. И конечно теперь, когда чувство Эдуарда было расплавлено удовольствіемъ, она казалась ему еще восхитительнѣе. Напрасно Клингенау разсказывалъ ему, что, во время его игры, какой-то богато, но нерадиво, одѣтый баринъ говорилъ своему сосѣду: «Ну чортъ-ли мнѣ въ этой штукѣ, которую онъ играетъ! Вѣдь такую скуку наводитъ! Такъ душу вотъ и рветъ съ тоски!... Ну сыграй онъ маленькую; вотъ, хоть-вотъ крошечную штучку, да чтобъ сердцу отрадно было...» «Да, ужъ не говорите, Михайло Филатьевичъ, я и самъ тоже думаю, что, для публики, въ концертѣ, не должно играть такія огромныя піесы; дѣло другое у себя дома.» «Право» говорилъ первый» я не промѣняю, какъ моя Лизавета Андревна начнетъ играть — *По всей деревнѣ Катинька:* — сердце такъ и пляшетъ!» «Патріотизмъ, дѣло великое!

Михайло Филатьевичъ!» прибавилъ задумчиво второй.... И таково-то могущество красоты, что разсказанная критика только разсмѣшила раздражительнаго въ подобныхъ случаяхъ Эдуарда и вся мгновенно истлѣла въ огнѣ, которымъ пылало его сердце.

Концертъ кончился и къ Эдуарду подошли еще двое или трое знакомыхъ; Эдуардъ поторопился растаться съ ними. Взявъ шубу, искалъ онъ незнакомку въ залѣ, но ея уже не было; съ трудомъ пробрался онъ сквозь толпу народа въ дверяхъ и пустился по лѣстницѣ. Вдругъ въ корридорѣ раздался пронзительный женскій визгъ: глаза любопытныхъ обратились туда и, сходившій въ эту минуту съ лѣстницы, Фильдъ увидѣлъ Эдуарда поблѣднѣвшаго, какъ полотно, между жандармомъ и квартальнымъ надзирателемъ, которому военный генералъ давалъ какое-то порученіе.

«Что-это, молодой Вольфгангъ не хочетъ-ли пропѣть тріо съ этими господами?» смѣясь, сказалъ Фильдъ и подошелъ къ генералу, въ которомъ узналъ своего хорошаго знакомаго. «Какъ вы встревожены!....» спросилъ онъ. «Да вотъ, этотъ негодяй сшибъ съ ногъ мою жену, такъ что ее въ обморокѣ отнесли въ карету!» Фильдъ успѣлъ избавить Эдуарда отъ полицейскихъ; и генералъ сказалъ: «Смотрите, молодой человѣкъ, впередъ будьте осторожнѣе: другой къ вамъ не такъ будетъ снисходителенъ, какъ я.» И такъ послѣ звуковъ музыки, апплодиссементовъ и похвалъ, Эдуардъ долженъ былъ подвергнуться стыду и выслушать брань, которою щедро наградилъ отецъ, упрекавшій его всегдашнею вѣтреностію и неуваженіемъ къ людямъ.... На землѣ всегда близки и почти неразлучны: радость и горе, счастіе и бѣдствіе.

На другой день Богданъ Вольфгангъ

дѣлалъ обѣдъ въ сюрпризъ сыну и преимущественно для Фильда. Въ назначенное къ обѣду время Фильда не было и, прождавъ еще съ полчаса, пахмурившійся Вольфгангъ рѣшился пригласить гостей своихъ къ столу; но мѣсто подлѣ хозяина, слѣва, оставлено было незанятымъ; съ правой стороны сѣлъ его знакомецъ, пасторъ Г. Противъ нихъ, на другомъ концѣ стола, сѣла хозяйка съ старикомъ Бекомъ; а по обѣ стороны, между ними, усѣлись родственницы и родственники ихъ, въ числѣ коихъ и Эдуардъ со своимъ пріятелемъ, Клингенау, помѣстился возлѣ матери. Отецъ бесѣдовалъ со своимъ сосѣдомъ; Бекъ то шутилъ съ хозяйкою, которая занималась застольнымъ распоряженіемъ, то смѣшилъ скромныхъ гостей остротами, то намѣкалъ Эдуарду на вчерашній вечеръ. Эдуардъ только и былъ занятъ этимъ вечеромъ; въ его воображеніи все

было такъ живо: и этотъ страхъ—явиться передъ публикою, и эти хвалы и комплименты, и весь этотъ ослѣпительный залъ съ его посѣтителями, и особенно это приключеніе въ корридорѣ. Но все исчезало въ его воображеніи, при образѣ дѣвушки, которую встрѣтилъ онъ въ залѣ; о ней онъ только и говорилъ съ Клингенау; хотя весь его разговоръ состоялъ изъ: «ахъ! чудо! прелесть!» но онъ такъ имъ увлекся, что и не слыхалъ, какъ отецъ звалъ его. «Эдуардъ!» повторилъ громко отецъ, —«ты сегодня слишкомъ веселъ!.... Я пью твое здоровье!....» Гости послѣдовали примѣру Богдана Вольфганга. Этотъ тостъ былъ охлажденъ для Эдуарда суровымъ замѣчаніемъ отца. «Жаль,» сказалъ Вольфгангъ, ставя рюмку на столъ, «г. Фильдъ не сдержалъ слова; а я его такъ просилъ!....» Приэтомъ вошелъ Фильдъ. Всѣ, сидѣвшіе за сто-

ломъ, встали; даже почтенный пасторъ съ большимъ уваженіемъ привѣтствовалъ знаменитаго музыканта. Вольфгангъ безпокоился и хлопоталъ; но Фильдъ поспѣшно приблизился къ столу и сѣлъ на тотъ стулъ, который оставался незанятымъ. Вольфгангъ, увиваясь около Фильда, говорилъ, что его такъ долго ждали. «Я извиняюсь передъ почтенною компаніею!» сказалъ Фильдъ. «Я давалъ уроки у графа Л.; тамъ пригласили меня къ завтраку: у нихъ какое-то торжество, празднуютъ что-то; — сказали, да я забылъ. Отказаться было нельзя: а завтракъ такой былъ большой, что я цѣлую недѣлю не буду обѣдать.... Только чтобъ сдержать слово, пріѣхалъ я къ вамъ.» Изъ добродушнаго приличія онъ не отказался отъ одного блюда. «Мы передъ вами только-что имѣли разговоръ,» сказалъ Вольфгангъ, съ самодовольною улыбкою. «О чемъ?» спросилъ Фильдъ.

«Я думаю опять переселиться въ Ригу: я надѣюсь тамъ имѣть болѣе выгодъ....» Фильдъ почти не слушалъ этого разсказа и, выпивъ за здоровье — *молодаго виртуоза*, — сказалъ: «Извините, мнѣ кушать вовсе не хочется: а чтобы не казаться лишнимъ за столомъ, я перейду къ роялю.» Разговоры всѣхъ утихли; только иногда брякала вилка или слегка скоблила ложка по тарелкѣ. Богданъ Вольфгангъ изрѣдка повторялъ замѣчанія пастора о какомъ-нибудь пріятномъ мотивѣ и бровями давалъ знакъ сыну объ искуствѣ Фильда. Бекъ совершенно занятъ былъ музыкою. Клингенау, шутя, показывалъ Эдуарду, тайкомъ, прыжки пальцами, которые Фильдъ дѣлалъ на дискантовыхъ клавишахъ. Но Эдуардъ никогда такъ сильно не чувствовалъ свое суровое положеніе въ домѣ отца, какъ теперь, подъ умилительные звуки Фильда, когда образъ прекрасной без-

престанно являлся въ его воображеніи, тревожилъ его душу и манилъ куда-то, въ область чудную. Вдругъ подали ему письмо: оно очень польстило молодому человѣку. «Отъ кого-это?» спросилъ отецъ. «Отъ генерала N.» «Покажи-ка!...» Отецъ съ самодовольствіемъ подалъ эту записку Фильду, сказавъ: «Посмотрите, г. Фильдъ, къ кому приглашаютъ вашего ученика!» «А, знакомый человѣкъ,» сказалъ Фильдъ и прочиталъ вслухъ: «*Я надѣюсь, что молодой виртуозъ, который вчера доставилъ намъ и всей публикѣ столько удовольствія, не откажется исполнить желаніе всего моего семейства и мою покорнѣйшую просьбу: раздѣлить сегоднишній вечеръ съ нами. Готовый ко услугамъ N.*»

Заэтимъ Эдуардъ, принявъ отъ отца два бокала съ шампанскимъ, поднесъ — одинъ Фильду, а другой Беку; мать подавала конфекты. Обѣдъ оканчивался

живѣе и веселѣе, нежели начался. Между разнообразными тостами, забавными отъ Бека и Клингенау, и неновыми отъ всѣхъ прочихъ, замѣчателенъ былъ тостъ матери; она сказала: «Дай Богъ, чтобъ ты былъ и хорошій виртуозъ и хорошій человѣкъ, и помнилъ бы г. Бека и г. Фильда!» За всѣ тосты Эдуардъ благодарилъ поклономъ или словами, а за послѣдній — съ жаромъ обнялъ мать и крѣпко-крѣпко поцѣловалъ ее.

[illegible]

III.

Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ, и барская любовь!
А. С. Грибоѣдовъ.

Въ нихъ лишь чувственность
безъ чувства.
Самолюбье безъ любви,
И чудесный міръ искуства
Имъ хоть бредомъ назови.
П. П. Ершовъ.

.... дѣти въ отцевскихъ глазахъ вѣчные недоросли, и сохрани Богъ, если они вздумаютъ имѣть, или, и того хуже, сказать свое мнѣніе.
А. Марлинскій

Эдуардъ, молодой, легкій по характеру, а еще болѣе по неопытности, покровительствуемый генераломъ N. и обласканный имъ, особенно по рекомендаціи

Фильда, гордый вчерашнимъ благосклоннымъ пріемомъ публики и этимъ приглашеніемъ на вечеръ, явился въ домъ вельможи даже съ какою-то дѣтскою радостію. Встрѣтившійся въ свѣтлоосвѣщенныхъ сѣняхъ отставной унтеръ-офицеръ, обвѣшанный медалями и знаками отличія, по-видимому, швейцаръ дома, равнодушно спросилъ полузапыхавшагося Эдуарда: «Кого вамъ надо?»

—«Дома-ли генералъ N.?»

—«Дома. А что, вы изъ департамента, или такъ?....»

—«Нѣтъ; доложи, что пришелъ Вольфгангъ.»

Ветеранъ подумалъ, потомъ сказалъ: «Хорошо, вотъ я скажу камердинеру.»

Мысль, сейчасъ явиться къ важной особѣ и его семейству, не дала Эдуарду тревожиться долго обращеніемъ служителя; а между тѣмъ онъ замѣтилъ на стѣнѣ дощечку съ надписью, что въ эти

самые часы *Пантелей Кондратьевичъ N. принимаетъ всѣхъ, имѣющихъ до него надобность.*

—«Пожалуйте-съ сюда;» сказалъ изъ отворившейся двери человѣкъ: это былъ камердинеръ генерала. «Вы-съ музыкантъ? Мусье Вольфгангъ?» продолжалъ онъ, прибирая брошенную Эдуардомъ шубу.

—«Какой музыкантъ?» горячо спросилъ Эдуардъ.

—«То есть, вы,» усмѣхаясь продолжалъ камердинеръ, «играли вчера въ концертѣ. Баринъ сегодня такъ много объ васъ говорилъ: давеча за столомъ такъ всѣ васъ хвалили-съ!....»

При этихъ словахъ, къ большему удовольствію Эдуарда, вышелъ изъ кабинета отъ генерала N. чиновникъ съ бумагами, и камердинеръ доложилъ о Вольфгангѣ.

—«Очень радъ! очень радъ!» сказалъ

N., подавая руку вошедшему въ кабинетъ Эдуарду и, приказавъ камердинеру, не принимать болѣе никого, перемѣнилъ сюртукъ на фракъ съ двумя звѣздами. Большой кабинетъ, обставленный по тремъ стѣнамъ богатыми съ книгами шкафами, съ которыхъ глядятъ мраморные бюсты древнихъ мудрецовъ; огромный столъ съ бумагами, портефелями и этажерками, возлѣ котораго, на приличныхъ мѣстахъ, поставлены бюсты Государя и Государыни, и таинственный полусвѣтъ отъ роскошнаго кенкета, дѣлали молодаго человѣка почтительнымъ къ генералу; а радушный пріемъ, ласковое обращеніе послѣдняго, восхищенія его къ хорошимъ музыкальнымъ піесамъ, привязывали Эдуарда любовію къ этому человѣку. «Теперь», сказалъ наконецъ N. Эдуарду, — «пойдемъ-те къ моему семейству.»

Изъ смежной комнаты, котарая была

спальнею генерала, они по дубовой красивой лѣстницѣ поднялись въ слѣдующій этажъ, и черезъ нѣсколько комнатъ и большой залъ, со вкусомъ убранные и освѣщенные, вошли въ гостиную. Здѣсь на диванѣ сидѣла супруга генерала, пожилыхъ лѣтъ женщина съ нѣжнымъ и негордымъ лицемъ, а рядомъ съ нею графиня Д. На креслахъ, которыя стояли полукругомъ у дивана, съ одной стороны, подлѣ хозяйки сидѣлъ камеръюнкеръ, а противъ него, съ другой стороны сидѣли двѣ дочери генерала N. и, между ними, дочь графини Д.

При появленіи генерала N., съ лица всѣхъ слетѣлъ страхъ, наведенный разсказомъ графини.

— «Mes dames! рекомендую вамъ моего знакомца, мосье Вольфганга.»

— «Онъ и нашъ знакомый неменѣе,» сказала генеральша, привѣтствуя Эдуарда.

— «Вамъ онъ знакомъ, mon amie, только со вчерашняго дня, а мнѣ—уже со времени поступленія учителемъ въ институтъ, съ полгода; слѣдовательно, старинный знакомый! ха, ха, ха!» Этимъ доказательствомъ N. удовлетворилъ свое щекотливое самолюбіе.

— «Сколько вы намъ вчера доставили удовольствія, мосье Вольфгангъ,» продолжала генеральша; «и какая прелестная, трогательная піеса, которую вы играли!....»

—«Кажется, рондо Калькбреннера играли вы?» спросилъ камеръюнкеръ.

— «Да, это было — rondo brillant von Kalkbrenner,» отвѣчалъ Эдуардъ.— Дѣвицы улыбнулись, и продолжали между собою дѣлать замѣчанія о слишкомъ раннемъ приходѣ Эдуарда, о небольшемъ его ростѣ, о бѣлизнѣ и нѣжности лица его, на которомъ дѣтское простодушіе и неопытность въ свѣтѣ, съ прекраснымъ

жаромъ сердца, привлекали ихъ вниманіе.

— «Вы, графиня, не были вчера въ концертѣ?» спросилъ камеръюнкеръ.

— «Меня удержала головная боль: я была ужасно нездорова!»

— «Мосье Вольфгангъ, я надѣюсь, доставитъ намъ удовольствіе слышать и сегодня это прелестное рондо!» сказала генеральша.

— «Эдуардъ съ самодовольствіемъ поклонился, сказавъ: «Это я готовъ исполнить!» Незнаніе Эдуарда поддерживать разговоръ важностями и мелочами, такъ необходимыми въ гостиной, и сила чувствованія, всегда преобладавшая въ немъ надъ словами, сократили вопросы и рѣчи, обращенные къ нему обществомъ: и генеральша обратилась къ супругу: «Вы не слыхали, Пантелей Кондратьевичъ, что случилось въ городѣ съ какимъ-то отставнымъ полковникомъ, Лежеромъ?»

— «Нѣтъ, ничего не слыхалъ,» отвѣчалъ N. и занялъ кресла, съ которыхъ камеръюнкеръ сошелъ и вступилъ съ Вольфгангомъ въ разговоръ о музыкѣ; показывалъ ему свои свѣдѣнія, талантъ въ композиціи и прочее, и прочее. Между тѣмъ генеральша продолжала: «Вотъ графиня разсказала намъ о мосье Лежеръ такіе ужасы, что волосы поднимаются!....»

— «Да; и это я ужъ не отъ однихъ слышала;» сказала графиня; и между тѣмъ, какъ дѣвицы подошли также къ Эдуарду, съ которымъ молодой придворный перемѣнилъ уже тонъ серьезнаго литератора-поэта и отдавался, по-видимому, нѣжности чувствъ; графиня разсказала, что Лежеръ, уволенный въ отставку съ чиномъ полковника, бывъ всегда величайшимъ безбожникомъ, сдѣлался теперь самымъ благочестивымъ человѣкомъ: ходитъ часто въ церковь, подаетъ мило-

стыню и что къ этому побудило его вотъ какое происшествіе. Однажды въ сумерки сидѣлъ онъ со своимъ пріятелемъ, полковникомъ Дунайскимъ, у окна. Лежеръ смѣялся надъ всѣми обрядами церкви. Что-то на улицѣ привлекло ихъ глаза, и когда отвернулись они отъ окна, то оба поражены были страхомъ: между ними, лицемъ на улицу, сидѣлъ Татаринъ. Когда на вопросы: какъ онъ тутъ? зачѣмъ? и кто онъ? отвѣта не было, то Дунайскій хотѣлъ его схватить за грудь и силою допытаться отвѣта; но приэтомъ Татаринъ исчезъ, какъ духъ.....

— «Пути Провидѣнія неисповѣдимы!» сказалъ N., смущенный разсказомъ.

— «Его превосходительство, Финогенъ Ивановичъ Николинъ, съ фамиліею!» доложилъ слуга.

—«Просить! просить!» сказалъ N., и деликатно отправился, лично встрѣтить гостей въ другой комнатѣ.

Въ небольшомъ кружкѣ молодыхъ особъ, гдѣ былъ Эдуардъ, разлилось какое-то отрадное чувство. Ни состояніе, ни званіе иногда не могутъ препятствовать пріязни, происходящей отъ сходства нравовъ и возрастовъ. Эдуардъ понравился дочери графини Д.: она нашла въ немъ милыя качества и сообщила о томъ своимъ подругамъ. Камеръюнкеръ, замѣтившій расположеніе дѣвицъ къ Эдуарду, принялъ, хотя и принужденно, ихъ сторону: и молодой, почти неизвѣстный человѣкъ, былъ обласканъ знатными лицами, какъ родными. Вслѣдъ за Николиными пріѣхало еще нѣсколько гостей, большею частію любители музыки. Всѣмъ имъ N. рекомендовалъ Вольфганга; и каждый, зная, какая рѣдкость— артистъ въ домѣ генерала N., и, предполагая въ этомъ особенное покровительство N., имѣвшаго большую силу при Дворѣ, ласкалъ, казалось, искренно Эдуарда, по крайней

мѣрѣ Эдуардъ принималъ эти ласки за искренныя и развеселялся болѣе и болѣе. За сыгранное рондо ему всѣ апплодировали, особенно камеръюнкеръ Л.; и по желанію нѣкоторыхъ изъ гостей и по просьбѣ супруги генерала N., Эдуардъ сталъ играть третій концертъ Фильда; піеса прелестная, правда; но Эдуардъ еще не зналъ, что въ такихъ обществахъ довольно и хорошаго отрывка изъ подобныхъ большихъ произведеній. Начинались скромные разговоры о новонагражденныхъ чинами и тому подобномъ; начинались полутихіе разсказы о новостяхъ. Все это ясно выражало утомленіе слушателей. По окончаніи піесы нѣкоторыя особы сидѣли уже за картами, а молодые люди охотно приняли предложеніе генеральши — танцовать подъ фортепіано. Камеръюнкеръ Л. вызвался сыграть французскую кадриль своего сочиненія. Эдуарда просила хозяйка принять участіе въ танцахъ: и онъ

ангажировалъ дочь графини Д. Между ними скоро составился разговоръ объ Италіянской оперѣ, бывшей тогда въ Петербургѣ, о пѣвицахъ: Шоберлехнеръ, Меласъ и о другихъ. Дѣвица изливалась въ чувствованіяхъ; Эдуардъ, встрѣтившись съ такимъ живымъ сердцемъ, отвѣчалъ ему пылкостію. Молодой графинѣ не нравилось только совершенное невѣдѣніе Эдуарда въ литературѣ; но это неудовольствіе она умѣла скрывать. Вечеръ сдѣлался разнообразнѣе и живѣе. Эдуардъ, видя повсюду какую-то непринужденность и фамиліярность, оставилъ ту застѣнчивость, которая почти неразлучна съ людьми такого рода, особенно въ кругу незнакомыхъ.

— «Какъ вы находите мою кадриль?» спросилъ Эдуарда камеръюнкеръ Л.

— «Вы на мотивы сочиняли эту кадриль, или?....

— «Нѣтъ, это мой оргинальный,» съ укрощаемою досадою сказалъ Л.

Эдуарду показалось это страннымъ, особенно слова — *мой оргинальный.* «Но вотъ сыграйте, прошу васъ,» сказалъ Эдуардъ, «вторую фигуру: вы увидите, что въ ней много знакомаго изъ оперы — Donna del lago.»

— «Hélas! on sait trôp peu, quand on ne sait rien!» картавя, проговорилъ взбѣшенный Л. и вышелъ изъ кружка, собравшагося около нихъ, къ генеральшѣ N., для принятія ея благодарности. Несчастію Эдуардъ могъ понять фразу, произнесенную самолюбивымъ Л., и сердце его, такъ разогрѣвшееся отъ ласкъ и добродушія хозяевъ и гостей, только теперь сжалось: только теперь этотъ молодой придворный, столько являвшійся любезнымъ и дружелюбнымъ, показался Эдуарду воплощеннымъ демономъ, который можетъ принимать всѣ виды. Такія край-

ности легко встрѣчаются въ душѣ чувствительной. Эдуардъ чуть было не оттолкнулъ подносъ съ конфектами, съ которымъ придвинулся лакей. Дочери N., замѣтивъ оскорбленіе своего гостя, сами отобрали ему конфектъ и, вмѣстѣ съ молодою графинею, весьма ласково и граціозно упросили его принять отъ нихъ. Мимоходомъ можно замѣтить, что онѣ и нетерпѣли надмѣннаго Л., но не обнаруживали негодованія на него: ихъ родители уважали въ немъ единственнаго наслѣдника большаго имѣнія. «Вы напрасно такъ приняли къ сердцу эти слова,» сказалъ въ утѣшеніе Эдуарду какой-то видный мужчина въ орденахъ, отведя его въ сторону: «этотъ молодецъ не стóитъ...» «Васъ проситъ князь Ф.!» сказала проходившая дѣвица кавалеру — и онъ поспѣшно отправился въ комнату къ игравшимъ въ карты.

Но ласкаемый и утѣшаемый Эдуардъ

еще сильнѣе чувствовалъ нанесенную ему обиду: онъ хотѣлъ, очень хотѣлъ отмстить; онъ уже думалъ подойти къ дерзкому и при всѣхъ объявить ему: «сказать обо мнѣ такія слова; назвать меня невѣждою, могли только вы, г. камеръ-юнкеръ!» Это мщеніе казалось разгоряченному Эдуарду необходимымъ: онъ готовъ былъ смѣло стать передъ *Л.*; кровь въ немъ закипѣла мятежнѣе; жаръ сердца хлынулъ въ глаза и онъ тронулся съ мѣста... Но тутъ вспомнилъ о генералѣ N.; вспомнилъ что онъ въ домѣ благодѣтеля и — оглянулся по залу: не былъ-ли тутъ N., не подслушалъ-ли онъ мысли его?

Между тѣмъ богатый камеръюнкеръ успѣлъ уже возбудить въ пожилыхъ дамахъ негодованіе на Эдуарда, которое и имѣло слѣдствіе. Генеральша N. довольно равнодушно просила Эдуарда сыграть кадриль, а графиня Д. шутливо замѣтила

дочери, что она слишкомъ неравнодушно танцовала съ милымъ виртуозомъ: эти поступки снова кольнули сердце неопытнаго Эдуарда. Вслѣдъ за кадрилью составилась мазурка, которую онъ долженъ былъ играть, по просьбѣ дочери N. и по желанію ея матери. Съ часъ продолжалась шумная мазурка: шпоры брякали, каблуки стучали, танцорскія ножки шаркали; вдругъ княгиня Ф., бесѣдовавшая съ генеральшею N., встала и начала откланиваться: ея двѣ дочки, отблагодаривъ своихъ кавалеровъ, подбѣжали къ ней и — танецъ кончился. За сыгранную мазурку благодарили Эдуарда только дочь графини Д., мимоходомъ, и молодой секретарь генерала N. Послѣдній присовокупилъ: «Чортъ знаетъ! какую вы чудесную мазурку играли, мосье Вольфгангъ!» «Я вамъ очень обязанъ, мосье Вольфгангъ, что исполнили мою просьбу!» сказалъ N., прощаясь съ Эдуардомъ. Отъ

прочихъ получилъ онъ или легкое наклоненіе головы или ледяной взглядъ, похожій болѣе на удивленіе, что человѣкъ, раставаясь, прощается. — Жаль! вѣковой обычай предковъ пожертвованъ временной модѣ!.... Спускаясь по крыльцу, между нѣсколькими лицами, ожидавшими экипажей, Эдуардъ слышалъ, какъ одна дѣвица говорила офицеру: «Что-жъ, изъ музыки для танцевъ я не могу заключать о его игрѣ.» «Но передъ вашимъ пріѣздомъ, мадемоазель, онъ игралъ очень милое рондо....» сказалъ офицеръ. Далѣе Эдуардъ не слыхалъ ничего; нанялъ извощика и возвратился домой.

Было около втораго часа ночи. Богданъ Вольфгангъ мечталъ за сигарою, и, съ нетерпѣніемъ тщеславнаго, ждалъ сына.

— «Ну, что, какъ тебя приняли?....» спросилъ онъ у вошедшаго въ комнату сына.

— «Какъ? — гмъ! — Такъ, что я

никогда больше не пойду въ такой проклятой домъ!....»

— «Ты не можешь говорить вѣжливѣе? мужикъ!....»

— «Всѣ Русскіе мужики» говорилъ раздраженный Эдуардъ «гораздо лучше, нежели этотъ дуракъ, Русскій камеръ-юнкеръ!»

Отецъ схватилъ чубукъ и, грозя имъ, говорилъ, задыхаясь: «Скажи еще одну дерзость!... Злая каналья!... Гдѣ тебя?... кто тебя станетъ принимать?.... Грубіянъ!....» и разслабѣвъ, отъ гнѣва, онъ ушелъ и легъ спать. А Эдуардъ, сплеснувъ руками и облокотясь на рояль, горько-горько заплакалъ. Потомъ, въ какомъ-то полупамятіи, уставился глазами на лежавшія передъ нимъ ноты: то было собраніе нѣсколькихъ небольшихъ піесъ, — первое напечатанное произведеніе Эдуарда, посвященное отцу. Старикъ, фантазируя за сигарою, выпулъ ихъ и тщеславіе его

было удовольствовано; Эдуардъ придвинулъ эти ноты къ себѣ, задумался надъ ними и омочилъ ихъ слезами.

Послѣ подобныхъ, довольно частыхъ непріятностей съ отцемъ, Эдуардъ иногда думалъ разъѣхатся съ семействомъ. Онъ имѣлъ уже довольно средствъ жить отдѣльно. Но союзъ кровный; но мать, которую онъ такъ горячо любилъ; но домашество, хлопоты — отвращали его отъ выполненія этой мысли: а теперь она къ нему и не приходила. Онъ дважды сегодня былъ огорченъ отцемъ, но — онъ чувствовалъ рану только ту, которую нанесли ему въ домѣ генерала. Непріятности отъ отца онъ могъ забывать, или хоть умягчать припоминаніемъ себѣ заботъ родителя и естественнымъ преувеличеніемъ его добродѣтелей; это сыновнее чувство было въ немъ подкрѣплено пасторскими наставленіями, которыя онъ прилежно слушалъ во время пригото-

вленія своего къ конфирмаціи. Но быть обижену тамъ, гдѣ онъ, по неопытности, никакъ о томъ не могъ и подумать — это было для него ужасно! И какъ утѣшительно представлять себѣ хоть одно доброе сердце изъ того круга людей, гдѣ мы повсюду встрѣчали какую-то непріязнь! Сердце это подобно убѣжищу, въ которомъ мы отдыхаемъ застигнутые въ пути непогодою!.... Блуждая воображеніемъ по недавно оставленной гостиной и встрѣчаясь съ ненавистными лицами, Эдуардъ негодовалъ, досадовалъ, что уже поздно было мстить; но когда опять являлась ему дочь графини Д., съ ея вливающимся въ душу голосомъ, съ ея милыми, увлекательно граціозными ласками, то сердце его опять согрѣвалось. И все-же обида была такъ глубока, что утѣшенія недолго облегчали Эдуарда. Бывало, говорю, что онъ въ разладѣ съ отцемъ, утѣшался только мыслію —

покинуть домъ родительской, хотя на другой же день покидалъ эту мысль; но теперь казалось ему внѣ дома искать убѣжища негдѣ: свѣтъ не таковъ, какимъ онъ его воображалъ.... «Зачѣмъ приглашали они меня къ себѣ?....» думалъ онъ и проклятіе вырвалось изъ устъ его. «Играть для танцевъ?.... бррр!.... Вы-съ музыкантъ? спросилъ меня лакей,... ха, ха, ха!.... Тфу, бестія, невѣжа!» И среди этихъ-то представленій и тревогъ, успокоиваемый только мыслію о дочери графини Д., Эдуардъ вспомнилъ вчерашній концертный залъ, съ его разноцвѣтною блистательною публикою; вспомнилъ рукоплесканія, и хвалы, и charmant! charmant! и лучше всего, отраднѣе всего,— прелестную, которая его очаровала. Сила молодости взяла свое и съ послѣдними представленіями Эдуарда слились его сновидѣнія.

IV.

Я въ надеждѣ, я въ смятеньи;
Предаю себя волнамъ;
Счастье вижу въ отдаленьи,
Все что мило — мнится — тамъ!

Изъ Шиллера — *В. А. Жуковскій.*

Seid umschlungen, Millionen!
Diesen Kuß der ganzen Welt!
Brüder — über'm Sternenzelt
Muß ein lieber Vater wohnen.

Ф. Шиллеръ.

—«Вставайте-съ, Эдуардъ Богданычъ; пора-съ; маменька приказала васъ будить!» говорилъ аккуратный въ Рус-

скомъ нарядѣ слуга, раскладывая вычищенное платье.

— «Эдуардъ! что ты-это сегодня спишь такъ долго! Забылъ, что надобно идти на урокъ!» закричала въ дверь мимоходомъ мать Эдуарда.

— «Сейчасъ! сейчасъ!» проговорилъ въ просонкахъ Эдуардъ и, быстро поднявшись, закричалъ: «Скорѣе умываться.»

Эдуардъ мало спалъ: глаза его еще смыкались. Въ гортанѣ его и на языкѣ была горечь; въ сердцѣ жива еще была рана, а въ воображеніи — всѣ хитрыя уловки вчерашней гостиной. Онъ проснулся не такъ сладко, какъ заснулъ. Но, пробѣгая мысленно тѣ домы, въ которые сегодня долженъ былъ отправиться, припомнилъ онъ какъ-то Василья Екимыча, съ которымъ уже давно не видался и который для него всегда былъ забавенъ пріемами, одеждою, привѣтами

и тому подобнымъ: онъ разсмѣялся, немного ободрился и черезъ пять минутъ уже пилъ кофе въ комнатѣ матери. Отецъ въ залѣ курилъ сигару и читалъ газеты. Мать распрашивала Эдуарда о вчерашнемъ вечерѣ и онъ разсказалъ все подробно — всѣ удовольствія и оскорбленія. Мать раздѣляла его чувствованія, «но,» прибавила, «надобно привыкнуть къ этому: свѣтъ уже не перемѣнишь.»

Сказавъ о начавшемся днѣ въ семействѣ Вольфганга, нельзя не упомянуть и о суматохѣ, случившейся на кухнѣ. Русская пожилая кухарка, вошедъ изъ сѣней въ смущеніи, въ страхѣ, крестилась и творила молитву: «Господи Іисусе, Сыне Божій, помилуй насъ!» «Was ist das?! Матрена! зачѣмъ ты молишься?» смѣясь, спросила молоденькая горничная. «Ну, ты, васиедасъ; что зубы-то скалишь: молода еще!» ворчала кухарка, «поди, пошли Ивана-то вымести крыль-

це: вишь снѣгу-то сколько; да и эту гадину-то бы убралъ!.... Господи, Боже мой! быть худу! Только что я вышла, — она прямехонько мнѣ въ личико-то!.... Тфу, гадина проклятая!.... Да и растянулась-то еще головою прямо вонъ!....» Молоденькая Нѣмка спрыгнула со скамейки и побѣжала съ любопытствомъ: на черномъ крыльцѣ увидѣла она замерзшую ворону, которая, какъ казалось, упала съ крышй.

Хотя г-жа Вольфгангъ и называла весь разсказъ Матрены объ этомъ происшествіи, съ ея заключеніями, вздоромъ, но тайно смутилась и со вздохомъ подумала: «Deine Wille geschehe!»

Эдуардъ въ половинѣ девятаго часа отправился на урокъ. Выходя изъ института, встрѣтился онъ съ Васильемъ Екимычемъ.

— «А, мнѣ васъ-то и надобно!» проговорилъ густымъ басомъ Василій Еки-

мычъ. «Мое почтенье! Здоровы-ли вы-съ? Какъ поживаете? Все-ли въ добромъ здоровьѣ?»

Эдуардъ удивлялся плодовитости привѣтовъ; а Василій Екимычъ, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: «Имѣете-ли вы, почтеннѣйшій, время, часа два въ недѣлю, для уроковъ?»

— «Имѣю.»

— «Вотъ, видите: одинъ мой знакомый, почтенный человѣкъ, котораго я очень уважаю, слышалъ васъ недавно въ концертѣ; очень хвалилъ мнѣ васъ! А какъ ему надобенъ фортепіанный учитель для дочери, такъ я и рекомендовалъ васъ, какъ извѣстнаго мнѣ.... А? что?.. какъ вы думаете, любезнѣйшій?»

Эдуардъ съ радостію принялъ это предложеніе, сказавъ: «Хорошо-съ, хорошо-съ! А гдѣ живетъ этотъ господинъ и какъ его фамилія?»

—«Вотъ, видите, это Русскій купецъ,

только непростой; нѣтъ, это умный, почтенный человѣкъ! Сколько онъ знаетъ языковъ: и по-Нѣмецки, по-Французски и съ состояніемъ. Вотъ у него собственный домъ на Васильевскомъ-Островѣ, на Большомъ проспектѣ.... Я ему сказалъ уже, что если вы согласитесь, такъ я васъ пришлю.... (Эдуардъ улыбнулся).... такъ я попрошу васъ пожаловать прямо къ нему въ домъ. Вамъ какъ время?»

— «Пожалуй, хоть сегодня; послѣ обѣда только.»

— «И прекрасно! А послѣ-то обѣда онъ и свободенъ..... Да, постойте!..... Смотрите, молодой человѣкъ!» продолжалъ Василій Екимычъ съ какою-то улыбкою, похожею болѣе на гримасу. «Конечно я васъ знаю съ хорошей стороны.... Дѣвица эта очень хорошенькая; такъ, — тово, — не забудься, молодой человѣкъ: отецъ очень строгой нравственности; а то мнѣ стыдно будетъ!....

— «Нѣтъ, нѣтъ! будьте покойны!» проговорилъ, едва удерживаясь отъ смѣха, Эдуардъ. Его смѣшила странная предостерегательность и, какъ ему казалась, вовсе лишняя для него, столько скромнаго съ дѣвицами; хотя столько же и пламеннаго въ сердцѣ. Но радость Эдуарда скоро потускла отъ какого-то предчувствія, котораго самъ онъ не замѣчалъ. Онъ смущался, какъ ему казалось, отъ странной рекомендаціи, отъ представленій, окружавшихъ мысль его: «Дочери Русскаго купца давать уроки на фортепіано!....» Да, когда онъ узналъ о званіи отца будущей ученицы, то ему даже не хотѣлось, очень не хотѣлось принять эту обязанность: но нехотѣніе уступило обязанности.... Тогда какъ о каждомъ новомъ мѣстѣ для уроковъ говорилъ онъ въ тотъ-же день своей матери, объ этомъ умолчалъ и послѣ обѣда нерѣшительно пошелъ въ сказанный домъ.

Въ одномъ изъ падворныхъ оконъ того дома показалось ему женское лице: онъ хотѣлъ взглянуть еще на это окно и — еще скорѣе пошелъ къ крыльцу. Въ сѣняхъ встрѣтилъ его ласковый молодой артельщикъ, отвѣчалъ кто живетъ въ этомъ флигелѣ, отворилъ двери и просилъ пожаловать въ залъ; а принятую шубу заботливо повѣсилъ въ передней. Едва Эдуардъ вошелъ въ залъ, весьма разборчиво убранный, какъ смущавшія его, нерѣшительность, тоска, мучительное предчувствіе — слетѣли съ его сердца; онъ рвался только желаніемъ поскорѣе убѣдиться: сновидѣніе-ли такъ вдругъ перемѣнило его или очарованіе свершается наяву. Въ залѣ встрѣтилъ его пожилой человѣкъ въ черномъ сюртукѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстукѣ, съ полурозовымъ, полнымъ добродушія лицемъ, съ посѣрѣвшею головою, — тотъ самый, съ

которымъ третьягодня въ концертѣ сидѣла чудная незнакомка.

— «Если не ошибаюсь,» сказалъ Крупниковъ (читатель безъ сомнѣнія уже отгадалъ это лице) «я имѣю честь видѣть г. Вольфганга?....»

— «Точно такъ.»

— «Прошу покорно, садиться. Я съ удовольствіемъ слушалъ третьягодня игру вашу въ концертѣ.» (Эдуардъ поклонился). «Вѣроятно Василій Екимычъ Дубинъ утруждалъ васъ моею просьбою, пожаловать ко мнѣ.»

— «Да; сегодня утромъ мы видѣлись съ нимъ въ институтѣ,» сказалъ Эдуардъ, безпрестанно поглядывая на боковыя двери.

— «Вы меня очень обяжете, г. Вольфгангъ, если примете на себя трудъ учить на фортепіано мою дочь....»

— «Съ удовольствіемъ.»

— «Она уже очень порядочно играетъ;

но мнѣ хотѣлось бы, чтобъ она усовершенствовалась, хоть сколько ея силы позволятъ.... Какъ вы, г. Вольфгангъ, — извините, уговоръ дороже денегъ, говорятъ Русскіе, — какъ вы оцѣниваете ваши труды, вашъ часъ для уроковъ?.... Я говорю-съ о денежной оцѣнкѣ, потому-что иначе считаю эти труды безцѣнными: такъ я люблю музыку.»

— «Пять рублей,» проговорилъ несмѣло Эдуардъ, какъ человѣкъ, принужденный солгать.

Но что сказать, когда, по призыву отца, явилась дочь? Что сбылось съ Эдуардомъ, когда онъ видѣлъ уже, своими глазами видѣлъ, что его будущая ученица есть та самая, которая, какъ заря Майскаго утра, какъ розовый херувимъ, восхищала его подъ упоительные звуки музыки въ концертномъ залѣ. Эдуарду то хотѣлось поскорѣе уйти, чтобы легче вздохнуть на воздухѣ: — дыханіе

его спиралось; то ему хотѣлось, чтобы отецъ поскорѣе оставилъ ихъ заняться музыкою и далъ бы случай незамѣтно наслаждаться райскимъ созданіемъ. Эдуардъ былъ неловокъ, приведенъ въ замѣшательство; онъ не зналъ, какъ стоять, куда дѣвать руки: все въ немъ ему неправилось. А дѣвушка въ бѣломъ платьѣ, съ лилейно-розовымъ Черкескимъ лицемъ, съ ясными очами, съ черными волосами, которые локонами впивались въ румянецъ лапитъ ея, граціозно стояла подлѣ почтеннаго отца и напоминала Эдуарду волшебную встрѣчу въ концертномъ залѣ.

— «Вотъ, Эвфалинька,» сказалъ Крупниковъ, «г. Вольфгангъ согласенъ давать тебѣ уроки на фортепіано.»

Эвфалія, поникнувъ глазами, привѣтствовала Эдуарда. Эдуардъ покраснѣлъ.

— «Сколько я замѣчаю, г. Вольфгангъ,» продолжалъ Крупниковъ, улыбаясь, «вы не можете, по характеру вашему, быть

слишкомъ взыскательнымъ учителемъ; но, я надѣюсь, вы будете довольны вашею ученицею. И если имѣете время, такъ не угодно-ли теперь-же начать урокъ.»

При началѣ этой рѣчи Эдуардъ смутился, особенно при словахъ «*вы не можете;*» онъ думалъ, что ему хотятъ отказать; но онъ ободрился при послѣдующихъ словахъ старика.

Такъ, хотя и одна цѣль была для всѣхъ трехъ лицъ, но сердца ихъ полнились различными чувствованіями: удовольствіе, происходившее отъ исполненія желанія доставить дочери хорошаго учителя, было единственнымъ чувствованіемъ отца; сердце Эвфаліи трепетало ученическою робостію, а сердце молодаго Эдуарда пылало любовію со всѣми ея радостями, надеждами, страхомъ и желаніями. Но это не помѣшало его учительскому выполненію принятой обязанности. Во время урока онъ замѣтилъ всѣ недостатки въ игрѣ

Эвфаліи и былъ снова восхищенъ ея охотнымъ выполненіемъ или хотя принятіемъ его замѣчаній. По окончаніи урока Эдуардъ спѣшилъ уйти, какъ-бы боясь обнаружить какую-либо неловкость, и отправился прямо къ Клингенау.

Онъ такъ быстро шелъ по дорогѣ, что и не замѣтилъ встрѣтившагося ему отца, который, остановясь и смотря ему вслѣдъ, подумалъ: «Ну, слава Богу! будетъ по крайней мѣрѣ аккуратный учитель!»

— «Знаешь-ли, кто у меня новая ученица?» сказалъ Эдуардъ, вошедъ въ комнату къ Клингенау.

— «Хорошенькая дѣвушка,» сказалъ, улыбаясь и набивая трубку, Клингенау.

— «Заэто на моей свадьбѣ тебѣ первый бокалъ!»

— «Donnerwetter! такъ ужъ далеко?»

— «Сама судьба!.... Самъ Богъ это-

го хочетъ!.... Помнишь ту, которую мы видѣли въ концертѣ?.... Вотъ кто моя ученица!»

— «Нѣтъ?!....

—«Nur ein Wunder kann dich tragen
In das schöne Wunderland!.... *

Прощай; мнѣ еще надо на урокъ»!

— «Постой! — Погоди!»

— «Нѣтъ, теперь-то и работать! Я чувствую въ себѣ какую-то необыкновенную силу, охоту ко всему! Вчера я....»

— «Да; ну что, какъ вчера?»

— «Вчера я имѣлъ много неудовольствія,» говорилъ Эдуардъ довольно равнодушно, «я былъ разобиженъ! Но сегодня мнѣ и думать объ этомъ не хочется: пожалуй, я имъ сегодня цѣлую ночь буду играть для танцевъ!....»

* Только чудо путь укажетъ
Въ тотъ прелестный край чудесъ!....

Перев. *В. А. Жуковскаго.*

— «Какъ? — разобиженъ?....»

— «Да; но оставимъ! оставимъ это! Въ другой разъ разскажу. Только, послушай, что я солгалъ отцу Эвфаліи!.... Ее зовутъ Эвфаліею! Неправда-ли, какое мелодическое имя?.... Ахъ, что я солгалъ ему!.... Что, если онъ догадался? Знаешь, Русскіе купцы неохотно даютъ много за уроки; — хотя этотъ впрочемъ очень умный человѣкъ; — я сказалъ, что за часъ беру со всѣхъ по пяти рублей! А? каково?..., Тогда какъ у меня учится только этотъ бѣдный мальчикъ, знаешь, Анниковъ, по два рубля, а то всѣ — по семи съ полтиной!....

— «Да-ну-же, постой! Вотъ хоть затянись!»

— «Спасибо! — Ну, теперь, прощай! Приди сегодня ко мнѣ! Поговоримъ!» И счастливый Эдуардъ исчезъ. У воротъ встрѣтился онъ съ злѣйшимъ своимъ непріятелемъ и клеветникомъ, фортепіан-

нымъ учителемъ. Молодой счастливецъ чуть-было не расцѣловалъ своего врага; приглашалъ къ себѣ и обѣщалъ ему уступить первое выгодное мѣсто.

V.

Одна тутъ искра отдѣлилась,
И на мою упала грудь;
Мнѣ въ сердце, въ душу заронилась:
Не смѣла я дохнуть; —

Стояла бездыханна, млѣла,
И съ мѣста не могла ступить;
Уйти хотѣла, не умѣла, —

Г. Р. Державинъ.

Въ домѣ Крупникова осталось доброе мнѣніе объ Эдуардѣ. Эвфалія, черезъ часъ послѣ урока, въ обыкновенномъ расположеніи духа, уѣхала, съ семействомъ купца Навѣтова, къ Дубинымъ. Крупниковъ вечеромъ за чаемъ, хвалилъ Эду-

арда, особенно его скромность; но, между прочимъ, замѣтилъ старушкѣ-нянѣ, разливавшей чай, чтобы она наблюдала иногда за молодымъ учителемъ и ученицею.

— «Вѣстимо, батюшка, Николай Григорьевичъ, всяко случается; люди молодые: недолго и до грѣха!»

Крупниковъ поморщился и сказалъ: «Да, да, Архиповна, будь все-еще доброю нянею для Эвфалиньки.»

— «Храни ее, Господи! радость мою!» сказала старушка и закашлялась. «Да нѣтъ, Николай Григорьевичъ,» продолжала она, «учитель-то этотъ, какъ красная дѣвушка, такъ скроменъ! такъ скроменъ! Давеча я поглядѣла въ окошко, когда онъ пошелъ отъ насъ, такъ онъ чуть не бѣгомъ со двора-то: и не оглядывается; только немножко поднялъ голову-то, взглянулъ въ окно да и шмыкъ въ калитку. Нашъ Алексѣй говоритъ, что

когда подавалъ ему шубу, такъ онъ такъ и совѣстится. И видно, что не забывается, а помнитъ, что онъ учитель и небогатый человѣкъ.»

— «Тѣмъ болѣе ему чести, Архиповна, что онъ учитель; а бѣдность — не порокъ!» добродушно проговорилъ Крупниковъ, вставая со стула, и ушелъ въ свой кабинетъ.

Только горничная, Аннушка, представляя себѣ миловидное лице Эдуарда, останавливалась часто на мысли: отчего онъ, раставаясь съ Эвфаліей, былъ въ такомъ странномъ положеніи, въ такомъ замѣшательствѣ? «А какой онъ бѣлый!» говорила Аннушка своей пріятельницѣ, прислужницѣ жильцовой. «Какое у него нѣжное лице, ахъ! Глаза у него, знаешь, какъ бриліанты въ перстнѣ! Чудесные!»

Въ душѣ Эвфаліи остался только какой-то ученическій страхъ, происходящій обыкновенно отъ представленія боль-

шихъ достоинствъ въ учителѣ, и отъ сознанія своихъ недостатковъ. Хотя Эвфалія видѣла въ своемъ учителѣ молодаго человѣка; но его подробныя, вѣрныя замѣчанія за ея игрою, удивляли ее. Потому-то, когда Навѣтовъ, какъ первую новость, объявилъ у Дубиныхъ, что *папенька нанялъ Эвфаліи Николавнѣ учителя на фортепіанахъ*; то на всѣ распросы, особенно любопытныхъ дѣвицъ, отвѣчала она коротко и принужденно, что онъ былъ у нихъ еще только одинъ разъ; что онъ небольшаго роста; что онъ, какъ незнакомый, очень стыдился. О его преподаваніи и о чемъ-либо подобномъ, въ этомъ кругу никто не любопытствовалъ; только одна изъ дѣвушекъ спросила, усмѣхаясь: «А вашъ учитель строгъ?» «Я, право, не знаю:» отвѣчала Эвфалія, «онъ мнѣ давалъ сегодня первый урокъ.» На щекотливыя-же тайныя замѣчанія дѣвушекъ Эвфалія отвѣчала толь-

ко улыбкою, и уклонялась отъ нихъ, какъ невинное дитя, своими милыми рѣзвостями съ какимъ-нибудь живымъ ребенкомъ или тормошила кошку; иногда просила одну изъ дѣвицъ — пѣть, что сама неохотно дѣлала. Возвратясь домой, она имѣла одно въ мысляхъ: приготовить хорошенько заданный Вольфгангомъ урокъ.

А нашъ Вольфгангъ? Что-же съ нимъ? Мы уже видѣли его обхваченнаго пламенемъ любви: своею молнiйною мечтою онъ коснулся уже брачнаго вѣнца. Сердце его не въ первый разъ сильнѣе билось и трепетало при видѣ красавицы; но теперь онъ любилъ, и любилъ впервые прекрасно, какъ любятъ изящное произведенiе; любилъ поэтически, окружая предметъ своей любви всѣми прелестями фантазiи; любилъ свято, отгоняя отъ себя и тѣнь дурнаго помысла. Онъ бывалъ въ томъ расположенiи духа, въ кото-

ромъ чувствуемъ мы себя выше сферы земной: — когда упоевался всемогущею гармоніею звуковъ, когда сочинялъ что-нибудь; но эти ощущенія были временны, непродолжительны; и то, что производило ихъ, не могло остаться съ нимъ навсегда, и неуловимое ничѣмъ, улетало далеко, казалось, въ небо. Но онъ увидѣлъ Эвфалію: и вотъ — небесная гостья явилась во плоти, чтобы остаться на землѣ, остаться на всегда съ Эдуардомъ. «Она принадлежитъ мнѣ!» думалъ онъ. Она удержала его между родными, съ которыми онъ уже неразъ хотѣлъ растаться. «Она принадлежитъ мнѣ!» думалъ онъ. Она согрѣла его сердце, сжавшееся отъ холода людскаго; она замѣнила ему цѣлый міръ, который недавно показался ему такъ черенъ. «Она моя!» думалъ восторженный Эдуардъ, и куда ни обращалъ мысленнаго взора, гдѣ ни встрѣчался съ ненавистными, — вездѣ видѣлъ

теперь Эвфалію, какъ Ангела Хранителя, врачующаго душевныя раны его, мирящаго его со всѣми людьми. Каковъ былъ онъ вчера вечеромъ, даже сегодня утромъ и какимъ онъ чувствовалъ себя теперь вечеромъ, по возвращеніи съ уроковъ, такъ онъ и самъ удивлялся. Одѣвшись подомашнему, пришелъ онъ къ матери и обнявъ ее, съ радостнымъ лицемъ поцѣловалъ ея глаза.

— «Что, усталъ?» спросила она его, приготовляя чай. «Не хочешь ли буттербродтъ? Сегодня я купила очень хорошаго масла....»

— «Dank! — Муттерхенъ, я еще получилъ мѣсто!»

— «У кого?»

— «У одного Русскаго купца.»

— «Ну, да это опять на мѣсяцъ или на два пойдетъ, подалѣе?»

— «Нѣтъ! нѣтъ!....»

— «Почемъ ты взялъ?»

— «Гм, гм, — по пяти рублей только.... Впрочемъ онъ, кажется, очень хорошій человѣкъ: очень обходителенъ, образованъ.... и безъ бороды.»

Послѣднія слова мать почти не слушала, имѣя въ мысляхъ только новое мѣсто и новую честь ея сыну. «То-то ты и веселъ!» сказала она, раставляя чашки.

— «Тра, ла, ла! Ла, ла, ла!» запѣлъ Эдуардъ и пошелъ въ залу.

— «Не уходи! сей часъ готовъ чай!»

— «Приду! приду!» вскричалъ Эдуардъ, и раскрывъ рояль, пробѣжалъ по немъ; вызвалъ нѣсколько полныхъ, сильныхъ акордовъ; взялъ поты, но — бросилъ ихъ и сталъ импровизировать. Мать кликнула его и — онъ тотчасъ явился за чайнымъ столикомъ, гдѣ уже сидѣлъ и отецъ, которому мать сообщила новость Эдуарда. Эта новость очень удовольствовала самолюбіе отца, на ту пору хорошо

расположеннаго. Эдуардъ, представляя вчерашнее свое неприличное обращеніе съ отцемъ, старался теперь какъ можно болѣе умягчать свои отвѣты; теперь онъ сознавалъ себя совершенно виновнымъ передъ нимъ; онъ старался своими ласками примириться съ нимъ, испросить себѣ прощеніе. Онъ душевно обѣщалъ себѣ даже уступать всегда отцу: и отыскивалъ причины къ извиненію слабостей старика.

На этотъ разъ присутствіе Клингенау было лишнее для Эдуарда. Давеча ему хотѣлось видѣть друга, подѣлиться съ нимъ радостію; но теперь, какъ-бы утомившись отъ полноты чувствованія, онъ хотѣлъ быть одинъ: хотѣлъ помечтать, отдохнуть съ своею мечтою. И все-таки онъ съ удивленіемъ говорилъ о случаѣ, сблизившемъ его съ Эвфаліею. Но флегматикъ Клингенау не удивлялся: а какъ бесѣда ихъ начала тянуться, то они скоро

растались. Всемогущая любовь, мирящая насъ со всѣмъ, можетъ научить насъ обходиться безъ всего.... Сѣвъ за рояль, Эдуардъ занимался музыкою уже не систематически, — не съ обыкновеннымъ строгимъ, точнымъ наблюденіемъ за каждымъ переходомъ, за каждою нотою: теперь онъ проигрывалъ только нѣкоторыя любимыя піесы, заботясь особенно о выраженіи; игра его часто прерывалась думою о выборѣ піесъ для новой ученицы, — о томъ, какъ ей замѣчать, какъ говорить съ нею на урокахъ.

Конечно этотъ пламень охладѣлъ-бы и погасъ, еслибъ Эдуардъ никогда болѣе не видалъ Эвфаліи; но судьба устроила иначе. На другой урокъ, чрезъ два дня, всѣ его движенія, его слова, его голосъ, такъ проявляли священный трепетъ предъ Эвфаліею, такъ были проникнуты благоговѣйнымъ чувствомъ любви, что оно, какъ электричество, сообщилось даже и ей:

щеки ея неразъ уже вспыхивали и глаза поникали. Во время послѣдующихъ двухъ уроковъ, въ ближайшей комнатѣ всегда слышался то кашель старушки-няни, то разговоръ: и Эдуардъ былъ внимательнѣе къ голосу разсудка, нежели сердца. Черезъ двѣ недѣли послѣ перваго урока, былъ онъ приглашенъ на музыкальный вечеръ къ Крупникову. Радушіе хозяина, хорошее музыкальное общество и щедрое, хотя нероскошное, угощеніе привлекали на эти вечера артистовъ; а для нихъ приходили и нѣкоторые любители музыки. На этомъ вечерѣ Эдуардъ принятъ былъ не какъ учитель, а какъ гость; здѣсь онъ встрѣтилъ знакомыхъ музыкантовъ. Онъ игралъ съ акомпаниментомъ квартета одну піесу: удовольствіе и похвалы всѣхъ дошли до восторга. Это еще болѣе ободрило молодаго человѣка, и при общей свободѣ и непринужденности, Эдуарду легко было сближаться съ каждымъ,

быть въ этомъ домѣ какъ-бы давно знакомымъ. При всемъ томъ, сколько онъ ни бодрствовалъ надъ собою, тайное чувство связывало его; и почти тоже происходило съ сердцемъ Эвфаліи. Со всѣми Эдуардъ былъ свободенъ, только не съ нею, хотя ждалъ и искалъ минуты начать съ нею разговоръ. И вотъ, когда одинъ изъ гостей, какой-то статскій совѣтникъ, хорошій пріятель Крупникова, уѣхалъ съ дочерью и Эвфалія осталась безъ подруги, то Эдуардъ, пользуясь жаркимъ разговоромъ всѣхъ гостей съ Крупниковымъ, подошелъ къ роялю, у котораго стояла Эвфалія, перелистывая ноты.

— «Какъ они спорятъ ужасно!» сказалъ тихо и нѣжно Эдуардъ; «кажется Бетговенъ скоро встанетъ изъ могилы и придетъ ихъ разнимать!»

Эвфалія улыбнулась и, не подымая глазъ, спросила: «О чемъ они спорятъ?»

— «Объ операхъ Бетговена и Моцарта.... Какъ рано уѣхала ваша подруга!....»

— «Да, они всегда такъ рано уѣзжаютъ.»

— «Кто была эта дѣвица?»

— «Цвѣтаева. Это ея папенька, съ которымъ она поѣхала: онъ служитъ;.... я забыла, гдѣ онъ служитъ.»

Какъ ни тягостенъ былъ этотъ разговоръ для Эдуарда, но онъ продолжалъ его. Такъ падѣющійся достигнуть пристани, не опускаетъ веселъ, хотя уже выбивается изъ силъ. «Они часто бываютъ у васъ?»

— «Часто.»

— «Какъ она счастлива!....»

Эвфалія положила ноты и стала читать надпись піесы. Помолчавъ немного, она проговорила: «У насъ, зимою, каждый четвертокъ бываютъ музыкальные вечера.... Папенька очень любитъ музыку.»

Какіе акорды въ этихъ словахъ прозвучали для Эдуарда! Ему слышалось въ нихъ: «*Еслибъ и вы были у насъ каждый разъ!*» Онъ отошелъ нѣсколько отъ фортепіано, чтобы вздохнуть свободнѣе, и потомъ сказалъ: «Это, кажется, портретъ вашего батюшки въ той комнатѣ?....» И они вошли въ эту комнату.

— «Да-съ, это папенькинъ портретъ.»

— «Ахъ! а это вашъ!....»

Эвфалія улыбнулась. Въ Эдуардѣ вдругъ запылало сердце сильнѣе: онъ почувствовалъ смѣлую рѣшимость.

— «Вотъ точно съ этакою-же уборкою головы и въ такомъ-же платьѣ были вы въ концертѣ, недѣли три тому назадъ! Точно такъ я васъ видѣлъ!....»

Эвфалія, изумясь, сказала въ замѣшательствѣ: «Почему жъ вы?.... Тогда, кажется, я.... Тогда мы васъ.... еще не знали?!...»

— «Вы были съ вашимъ батюшкою! Вы сидѣли посреди зала! Я васъ видѣлъ въ первый разъ!.... Съ тѣхъ поръ, Эвфалія....»

— «Папенька! папенька!» быстро прошептала горѣвшими губками Эвфалія....

Въ самомъ дѣлѣ въ эту минуту вошелъ Крупниковъ. Молодые люди стояли, вперя глаза въ портретъ, и — ничего не видѣли. По душѣ Эдуарда разливалась сильная радость отъ неожиданнаго признанія Эвфаліи, и — эту радость привело въ замѣшательство появленіе Крупникова; Эвфалія была смущена противувольнымъ обнаруженіемъ своего чувства и страхомъ къ отцу.

Отецъ подошелъ къ нимъ. «Вы любите живопись?» спросилъ онъ Эдуарда.

— «Я люблю все, что хорошо!» отвѣчалъ онъ....

— «Эвфалинька, скажи чтобъ закуску приготовили!» ласково сказалъ Крупниковъ дочери: и она быстро ушла. «Это портреты все моихъ близкихъ родственниковъ,» продолжалъ Крупниковъ. «Вы не занимались-ли и сами живописью?»

— «Нѣтъ; я начиналъ учиться рисовать въ школѣ, но скоро оставилъ: мнѣ нѣкогда было.»

— «Зато вы на фортепіано рисуете хорошо!.... Эдуардъ Богдановичъ.»

Послѣднія слова украсились взаимною улыбкою разговаривавшихъ; а между тѣмъ въ эту-же комнату перешли и прочіе гости. Въ залѣ готовили закуску. Разговоръ сдѣлался общимъ: говорили о произведеніяхъ литературныхъ, которыя иногда пересказывались цѣликомъ съ пропусками — изъ пятаго въ десятое, но съ удержаніемъ цѣлаго; а критика о нихъ ограничивалась словами — *хорошо* или *худо;* и иногда воставали рѣзко про-

тивъ слишкомъ вольныхъ мѣстъ; говорили о музыкантахъ и приключеніяхъ съ ними; разсказывали анекдоты изъ жизни композиторовъ и происшествія изъ собственной своей жизни. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ родились за границею, другіе живали тамъ.

Было уже заполночь, когда, вмѣстѣ съ прочими, Эдуардъ вышелъ изъ дома Крупникова. На Большомъ Проспектѣ Васильевскаго-Острова было тихо, только слышался повременамъ окликъ будочника, да лай собакъ. Зажужжавшія сани, на коихъ къ вышедшимъ гостямъ подъѣхалъ извощикъ съ вопросомъ: *давать что-ли?* увезли двухъ изъ нихъ, жителей Большой Коломны. Эдуардъ встрѣтилъ Клингенау, шедшаго изъ конторы. Они стали прохаживаться по бульвару. Ночь была нехолодная и вся въ звѣздахъ: серебряная луна роскошно проливала свѣтъ свой на усыпленный міръ.

— «Откуда ты?» спросилъ Клингенау.

— «Изъ Рая! изъ Рая!» отвѣчалъ Эдуардъ, указывая на домъ Крупникова.

— «А, понимаемъ! Ну, что, каковы дѣла?»

— «Чудо! Единственно!» Тутъ Эдуардъ разсказалъ все, случившееся съ нимъ въ этотъ вечеръ; причемъ не забылъ отдать преимущество дому Крупникова предъ домомъ генерала N., гдѣ онъ недавно былъ такъ оскорбленъ.

— «Да онъ совсѣмъ не Русскій купецъ!» говорилъ изумленный Клингенау: «я знаю Русскихъ купцовъ: они добры, любятъ угощать очень много и хорошо; у нихъ во всемъ обиліе! всего въ волю! только во всемъ-же такое невѣжество, такое мужичество!.... Они совсѣмъ не такъ живутъ, какъ, по твоимъ словамъ, живетъ этотъ купецъ Крупниковъ!»

— «Ну, ты ужъ слишкомъ противъ Русскихъ купцовъ. — Послушай, прой-

демъ еще разъ мимо?» сказалъ Эдуардъ, когда они уже разъ шесть проходили мимо дома Крупникова.

— «Только ужъ въ послѣдній разъ!» сказалъ Клингенау: «холодно, да мнѣ и спать хочется.»

— «Ахъ, какъ она сказала! *Папенька! Папенька!....*»

—«Но скажи: какіе-же твои планы?...»

— «Жениться! непремѣнно жениться на ней! И съ этой минуты я твердо на это рѣшаюсь. Будь, что будетъ! Будетъ прекрасно!» Эдуардъ снялъ шляпу и, поправляя волосы, смотрѣлъ на небо: послѣ нѣкотораго молчанія, онъ сказалъ; «Какъ хорошо! Какая ночь! Посмотри, какая-это живая звѣздочка! какіе въ ней огоньки разноцвѣтные!....»

— «Да;» сказалъ Клингенау, зѣвая.

— «Эту звѣздочку приколоть бы къ гребенкѣ Эвфаліи; тогда была-бы она....»

— «Браво! Откуда такое краснорѣ-

чіе?! Однако-жъ, получше-ли тебѣ приколоть шляпу-то къ головѣ: еще лѣто не завтра?

— «Ничего: мнѣ жарко!.... О, Клингенау, если она будетъ моя!...»

— «Куда, куда? мадемоазель!» сказалъ вдругъ Клингенау, загораживая дорогу какой-то дѣвушкѣ въ розовомъ ватномъ салопѣ и бѣлой лѣтней шляпкѣ съ цвѣточками.

—«Пазвалайте-съ!....» сказала дѣвушка.

—«Нѣтъ, я съ вами хочу итти! Гдѣ вы живете?»

—«Я нѣтъ па-Рюшка знать.»

—«Эдуардъ, пойдемъ за нею: хорошенькая Чухонка!.... Посмѣшитъ!....»

—«Нѣтъ! нѣтъ! не пойду!»

—«Ну, ты все красная дѣвушка! какъ говорятъ Русскіе.»

Раставаясь, Клингенау съ усмѣшкой пожелалъ Эдуарду сладкаго мечтанія до

самаго утра; а Эдуардъ съ нѣкоторою досадою сказалъ: «А тебѣ желаю спать безъ просыпа до самаго вечера!»

—«Ну, ну, не сердись! Вѣдь я пошутилъ только!....»

Эдуардъ отвѣчалъ ему пожатіемъ руки и улыбкою. Въ эту минуту протяжный ударъ колокола, а за нимъ другой, съ крѣпостныхъ часовъ возвѣстили время ночи.

А между тѣмъ, какъ мечтатель Эдуардъ и, утомленный дневными конторскими занятіями, Клингенау расхаживали по бульвару; какъ весь городъ былъ погруженъ въ сладкій сонъ, и только гдѣ-гдѣ догарала свѣча въ кабинетѣ труженика, или у изголовья поэта, или на столѣ полусонныхъ уже пріятелей — въ деревянномъ домѣ, близъ церкви Знаменія Божіей Матери, въ небольшой комнатѣ, — гдѣ по одной стѣнѣ на ветхомъ диванѣ приготовлена была постель,

противъ него, у другой стѣны, стоялъ рабочій столикъ съ брошеннымъ на него шитьемъ, нѣсколько стульевъ и въ глубинѣ старинный стекольчатый шкафъ съ чашками, а въ углу, надъ изголовьемъ постели, висѣло Распятіе Спасителя, — сидѣла за столомъ, у окна, дѣвушка и обливалась слезами надъ Шиллеровою трагедіею, *Коварство и любовь.* Наконецъ она отерла слезы, поправила нагорѣвшую свѣчу и продолжала чтеніе. Это была Эмилія Гиммельтраумъ. Воспитанная своею строгою теткою, которая, почти отъ колыбели, замѣнила ей родителей, она знала міръ только изъ хорошихъ поэтическихъ произведеній, да по нравственнымъ о немъ сужденіямъ тетки. Она очень неохотно принимала отъ молодыхъ людей услужливость, комплименты, восторги и тому подобное; но когда семейство Вольфганга прибыло изъ Риги и тетка Эмиліи, какъ знако-

мая, навѣстила это семейство вмѣстѣ съ племянницею, то Эмилія нашла въ Эдуардѣ что-то совершенно особенное, отъ видѣнныхъ ею молодыхъ людей, и съ страхомъ почувствовала въ себѣ какое-то невольное влеченіе къ нему: любимые ею герои фантастическаго міра начали для нея олицетворяться въ Эдуардѣ; и самый этотъ міръ и міръ вещественный стали для нея теперь доступнѣе. Похвалы Эдуарду отъ матери его, отъ тетки Эмиліи и отъ другихъ лицъ, похвалы его таланту и качествамъ болѣе и болѣе развивали въ молодой, неукоризненной дѣвушкѣ, святое чувство любви, которое она скрывала и хранила, какъ жрица Весты священный огонь. Неудивительно, что уже третій годъ теплится въ Эмиліи этотъ огонь: онъ для нея есть прекрасное произведеніе поэзіи, къ которому обращается она отъ непрерывныхъ трудовъ своихъ; эта любовь

для нея — заря, къ которой приходитъ она послѣ утомительно проведеннаго дня: она отдыхаетъ съ нею, она мечтаетъ при ея розовомъ сіяніи о будущемъ блаженствѣ.... Ежедневно утромъ занималась она обученіемъ приходившихъ къ ней дѣтей; послѣ обѣда проводила время за фортепіано или за шитьемъ; иногда помогала теткѣ въ хозяйствѣ и узнавала его вмѣстѣ съ окружающими его непріятностями, которыя въ такомъ случаѣ, какъ извѣстно, тѣмъ чаще, чѣмъ недостаточнѣе хозяинъ. Она не знала праздной минуты: потому любила не отъ скуки, а отъ полноты сердца, которою хотѣла подѣлиться, и — подѣлиться съ другомъ. И нестолько въ свободныя минуты, сколько въ минуты, похищенныя у сна, любила она въ твореніяхъ великихъ писателей находить свое созданіе.... Да не угаснетъ розовая заря твоя, милая Эмилія!....

Извиняюсь предъ читателями! Меня такъ заняла чувствительная Эмилія, что я прервалъ-было мой разсказъ.

Впрочемъ, надобно-ли говорить теперь что послѣ того счастливаго вечера, въ первый урокъ, Эвфалія встрѣтила Эдуарда съ сердечною тревогою, и что съ того времени она рѣже обнаруживала свой рѣзвый характеръ? Надобно-ли говорить, какъ этотъ взаимный пламень усиливался; какъ они безъ словъ: — *я люблю тебя!* — любили другъ друга нѣжно? — какъ Эдуардъ однажды, у выхода изъ церкви, чуть-было не опустился на колѣна предъ Эвфаліею, когда она, не замѣчая его, будто вылетѣвшій изъ храма ангелъ, протянула руку подаянія слѣпому-бѣдному? — какъ эта любовь произвела неожиданные успѣхи въ игрѣ Эвфаліи? — какъ Эдуардъ дерзнулъ однажды, за ошибку въ игрѣ, поцѣловать руку Эвфаліи, за что

встрѣтилъ не упрекъ опытной дѣвицы, а только страхъ и упорство милаго ребенка? Надобно-ли говорить о тайныхъ свиданіяхъ, очень рѣдкихъ, недолгихъ и скромныхъ, въ саду у окна: причемъ величайшая вольность со стороны молодаго человѣка — былъ вымоленный или рѣзвостію сорванный поцѣлуй?.... Все это, конечно, осудительно въ молодыхъ людяхъ, особенно въ дѣвицѣ.... А почему? Потому-что и самая святая любовь на землѣ рѣдко остается въ предѣлахъ. Но все это я опускаю, какъ уже болѣе или менѣе знакомое тебѣ, добрый читатель, изъ опыта другихъ или — даже изъ собственнаго твоего опыта. Я разскажу одинъ только случай изъ этихъ свиданій; разскажу для того, чтобы показать, что человѣколюбіе, состраданіе, доброта въ женщинѣ всегда преобладаютъ надъ предусмотрительностію и разсужденіями: хотя бы она предчув-

ствовала вредныя оттого послѣдствія; хотя бы ей надобно было измѣнить данному слову. Истина новая и каждый день подтверждаемая.

Надобно знать, что свиданія нашихъ влюбленныхъ начались чрезъ полгода послѣ первой ихъ встрѣчи. Въ половинѣ Августа, когда ночи становятся темнѣе, Эдуардъ поздно вечеромъ, скрываемый сумракомъ и сѣнію деревъ, рѣшился подойти къ воротамъ дома Крупникова, которыя отъ бульвара отдѣляются большими палисадами при домахъ Крупникова и его сосѣда. Эдуарду хотѣлось испытать: не увидитъ-ли онъ Эвфалію? — Мучитель-любовь, маня и увлекая насъ непрестанно къ прекрасной цѣли, заставляетъ, на пути къ ней, бороться съ тысячами препятствій; а иногда поставляетъ самую цѣль на высоту звѣздную и, съ терзаніемъ собственнаго сердца, предаетъ насъ отчаянію....

На тотъ разъ калитка палисада была отворена; въ саду никого не было: и Эдуардъ осмѣлился туда войти. У одного окна сидѣла Эвфалія; онъ скоро узналъ ее: и на первомъ-же, минутномъ и робкомъ свиданіи, назначено было другое, потóмъ третіе и т. д. — Вотъ однажды, въ началѣ Сентября, около полуночи.... Не смѣйтесь, добрые читатели! не осуждайте!.... Любовь доводитъ до безумія, но она зажигаетъ въ насъ стремленіе ко всему лучшему, ко всему высокому! Она пораждаетъ постыдныя торжища, но у ней-же есть ненарушимые, святые законы скромности: въ ея дивномъ мірѣ повсюду въ звукахъ трубныхъ слышится, вездѣ буквами огненными начертано великое, всемогущее имя — *Богъ!*.... Не осуждайте! Я буду продолжать.... Около полуночи, говорю я, время было самое благословенное, тихое; воздухъ — оживительный; въ вышинѣ трепетали звѣз-

ды; луна, хотя и явилась, но, безъ свѣта и блеска, похожая на мѣдный красный щитъ, съ нѣсколькими пятнами, прошла медленно по облачному пуху, улегшемуся на горизонтѣ; неохотно заглянула она въ воды Невы, какъ неохотно заглядываетъ отцвѣтшая красавица въ зеркало,— и скрылась. Въ такую-то полночь, въ саду, передъ окномъ, стоялъ Эдуардъ и ждалъ появленія Эвфаліи. Эвфалія, заслышавъ спокойное храпѣніе няни, тихонько выкралась изъ спальни и въ легкомъ бѣломъ капотѣ, какъ призракъ, приблизилась къ окну.

— «Намъ нельзя сегодня долго говорить,» сказала она; «папенька скоро возвратится домой.»

— «Ахъ! и то каждый разъ неболѣе десяти минутъ продолжается наше свиданіе!.... Какой я несчастный! всегда препятствія!....»

— «Ужъ и несчастный! гм!» съ улыбкою проговорила Эвфалія.

— «Да, конечно! Вотъ никогда я такъ не желалъ васъ видѣть, какъ сегодня!.... »

— «Отчего?.... »

— «Самъ не знаю! — А когда я шелъ къ вамъ, въ эту прелестную погоду, такъ знаете что?.... »

— «Что-жъ?»

— «Нѣтъ, не скажу?.... »

— «Ну, такъ прощайте!.... »

— «Нѣтъ! нѣтъ! Эвфалія!.... Видите: мнѣ очень хотѣтось быть съ вами гдѣ-нибудь въ густой аллеѣ, гдѣ бы все было тихо, безмолвно и только бы древесные листочки надъ нами шептали, а сквозь нихъ мелькали бы звѣзды! — Ахъ! это была бы блаженнѣйшая минута, Эвфалія! Я бы умеръ отъ удовольствія, еслибъ это на ту пору случилось! Такъ я этого желалъ!» Эдуардъ живѣе воображалъ та-

кое положеніе, нежели могъ разсказать: сильно и свято чувствовалъ всю прелесть этой мечты; но для Эвфаліи она не казалась такъ восхитительною; она представила себѣ даже неловкость такой прогулки.

— «Нѣтъ,» сказала она, «я и этихъ свиданій всегда боюсь.... Что, если папенька узнаетъ?.... Это его ужасно оскорбило-бы!....» Заэтимъ слѣдовало взаимное молчаніе. «А какой вы мнѣ дали трудный урокъ!....» продолжала Эвфалія; «у меня, право, всѣ пальцы распухли!....»

— «Нельзя-ли изъ моихъ губъ сдѣлать клавиши для вашего рояля?»

— «У! какія большія губы! А зачѣмъ?»

— «Чтобы....» Тутъ Эдуардъ схватилъ ручку Эвфаліи, свѣсившуюся за окно, и прижалъ къ горячимъ губамъ: въ тишинѣ раздался поцѣлуй.... Вдругъ Эвфа-

лію кто-то схватилъ за плеча и оторвалъ отъ окна въ комнату: Эдуардъ исчезъ, будто сквозь землю. Въ комнатѣ заговорили: «Дитятко ты мое, Эвфалія Николаевна, что ты сдѣлала?....»

— «Нянюшка, голубушка, успокойся!....» Ничего, право, ничего!.... Я тутъ сидѣла только у окна, совершенно одна!...»

— «Что ты, матушка! оглохла что-ли я подъ старость-то? Не своими-ли я ушами слышала: и говорили здѣсь! и, и, и!.... Господи! — и языкъ не поворачивается вымолвить!....»

— «Архиповна, голубушка, успокойся!» говорила въ слезахъ Эвфалія; «я все тебѣ разскажу, только не кричи!...»

— «Нѣтъ, родимая; не приму грѣха на душу; не положу тяготы на совѣсть свою: все разскажу, сегодня-же разскажу все папенькѣ!.... Господи, да кто этотъ окаянный соблазнитель?!... Ги, и

слѣдъ простылъ!» сказала няня, выглянувъ въ окно. — Вдругъ у воротъ застучали дрожки: «А, да онъ еще здѣсь!... Ловить его, мошенника!» кричала няня, «ловить!....» и пошла-было будить людей. Эвфалія ахнула и въ страхѣ проговоривъ: «папенька, кажется, пріѣхалъ! Няня, ты погубишь меня!....» она упала въ обморокъ, на руки Архиповны.

Покуда отворяли ворота, Крупниковъ пошелъ въ садъ прямо къ отворенному окну. Стоявшій недалеко отъ него, за кустомъ, Эдуардъ, то молилъ только, чтобы не показалась луна, то хотѣлъ явиться передъ Крупниковымъ и смѣло просить руки его дочери. Крупниковъ, услыхавъ голосъ Архиповны въ комнатѣ, спросилъ: «Что это значитъ: садъ не запертъ, окно отворено и вы по-сю пору не спите?!.... Здорова-ли Эвфалія?» «Слава Богу, Николай Григорьевичъ,» отвѣчала няня; «все благополучно....»

Крупниковъ, побранивъ дворника за оплошность, что не заперъ садъ, отправился въ покои. «Кажись, я приперъ двери-то, какъ запиралъ ворота,» сказалъ дворникъ; «аль не доглядѣлъ; гм; кажется, этого не случалось!» Между тѣмъ старушка успѣла опамятовать Эвфалію обѣщаніями, сохранить втайнѣ все случившееся, и объявила Крупникову, что Эвфалія Николаевна безъ вѣдома ея сѣла въ полночь у растворенпаго окна и что, когда она пожурила ее, такъ дитя и расплакалось. Отецъ добродушно сказалъ дочери, что няня говорила ей правду; а нянѣ тайно замѣтилъ, чтобы она поласковѣе обращалась съ Эвфаліею и чтобы иногда не снимала съ нея воли потѣшиться. Послѣ этого окно было заперто и скоро все въ домѣ затихло; не стихала только совѣсть няни и Эвфаліи. Эдуардъ принужденъ былъ выйти изъ сада не обыкновеннымъ об-

разомъ, а просто перелезть черезъ рѣшетку.

Съ этого времени няня уже заботилась и сама о томъ, чтобы Крупниковъ не узналъ о сношеніяхъ Эвфаліи съ Эдуардомъ; горничная, Аннушка, сдѣлалась также нѣкоторою ихъ повѣренною.

VI.

Männer richten nach Gründen; des Weibes Urtheil ist seine Liebe; wo es nicht liebt, hat schon gerichtet das Weib.

Ф. Шиллеръ.

Привычное мужество и торговыя обязанности, на ту пору особенно важныя, не дали Крупникову вникнуть въ разсказъ Архиповны и подробнѣе разобрать случившееся, хотя онъ и видѣлъ въ глазахъ ея что-то несогласное съ настоящею сценою. Онъ съ нѣкотораго времени замѣчалъ перемѣну въ Эвфаліи, что-то похожее на любовь: какую-то нелов-

кость, чрезмѣрную для нея скромность, стыдливость, разсѣянность; дѣлалъ ей иногда замѣчанія, выговоры — даже суровые: но — чаще старался подавлять ихъ въ себѣ, полагая, съ нѣкоторыми благоразумными, что ежели дѣвушкѣ пришла пора любить, то надобно только заботиться о сохраненіи ея добраго имени; а стараться истребить эту любовь— значитъ усиливать ее. Онъ даже думалъ, что если эта любовь питается къ Эдуарду Вольфгангу, то не должно препятствовать и самому соединенію ихъ, потому-что недостаточное состояніе молодаго учителя вполнѣ замѣняется достоинствами и талантомъ. При всемъ томъ перемѣна съ любимѣйшимъ предметомъ безпокоила добраго Крупникова, возмущала его даже среди занятій. «Нечего дѣлать,» думалъ онъ иногда, ошибаясь въ выкладкѣ счетовъ и потирая нахмуренное чело, «нечего дѣлать! Будемъ

исполнять нашъ долгъ и — *да будетъ воля Твоя*!.... Природы человѣка не измѣнишь!» А увидѣвъ послѣ того Эвфалію спокойною, простодушною, безпечною, — онъ цѣловалъ ее въ лобъ и на сердцѣ его свѣтлѣло.

Почтенный старецъ! если ты еще не переселился къ существамъ достойнѣйшимъ, то пусть музы, которымъ ты усердно служилъ, — пусть онѣ еще долго-долго лелѣютъ тебя!

И правъ былъ благоразумный Крупниковъ: что дѣлали его выговоры и замѣчанія? Эвфалія поникала глазками, отирала слезы; а едва отецъ оставлялъ ее наединѣ, какъ любовь со всею силою овладѣвала дѣвушкою: она только и слышала и видѣла Эдуарда.

На другой день, послѣ ночнаго происшествія въ саду, обморока и прочаго, Эвфалія, сѣвъ за рояль на урокѣ, съ первыми-же ударами по клавишамъ, начала

расиراшивать, куда Эдуардъ дѣвался изъ сада. Онъ разсказалъ свой страхъ и путешествіе черезъ садовую рѣшетку, и — оба они смѣялись.

— «Но отчего-жъ вы сегодня такъ печальны?»

— «Я получилъ сейчасъ извѣстіе, что бывшій мой учитель, Бекъ; — помните, о которомъ я вамъ разсказывалъ? Добрый старикъ такой!....»

— «Да, да, да! помню!....»

— «Онъ умеръ!....»

— «Ги; — а я думала, что вы — что-нибудь со вчерашняго приключенія.... Ахъ! я какъ испугалась, когда папенька пріѣхалъ!.... Архиповна непремѣнно хотѣла все разсказать; ксчастію со мною сдѣлался обморокъ: и она ужъ побоялась сама!»

Приэтомъ въ ближней комнатѣ кто-то послышался: разговоръ былъ прерванъ; фортепіано загремѣло.

Да, добрый Бекъ умеръ. Одинъ изъ его знакомыхъ писалъ къ Эдуарду, что нѣсколько любителей музыки успѣли собрать значительную сумму и похоронили на эти деньги своего собрата; что главное имущество его состояло изъ необходимаго, но очень порядочнаго платья и фортепіано, а о прочемъ не стòитъ и упоминать, такъ оно было ничтожно. Фортепіано, по завѣщанію покойнаго, было подарено ученику его, бѣдному мальчику, который былъ очень привязанъ къ Беку и, за неимѣніемъ собственнаго фортепіано, учился на его инструментѣ. Говорятъ, что, получивъ фортепіано, радостный мальчикъ разцѣловалъ каждый клавишъ. Знакомые Бека и прочее имущество отдали бѣднымъ: этимъ почтили они память добраго музыканта. «*Наканунѣ своей смерти онъ вспоминалъ и о тебѣ, Эдуардъ; онъ надѣялся, что ты не измѣнишь лучшему твоему дру-*

гу — музыкѣ!....» писалъ, между-прочимъ, знакомый Эдуарду....

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой — гонительница, бичь!...*

А ничѣмъ недовольному, всегда безпокойному Богдану Вольфгангу, отцу Эдуарда, даетъ средства выполнять свои прихоти. Увидѣвъ изъ газетъ, что нѣкто, отправляясь въ Москву, ищетъ желающаго попутчикомъ, онъ изъявилъ свое согласіе ѣхать туда, для свиданія съ сыновьями — и черезъ мѣсяцъ писалъ женѣ, что если она хочетъ жить въ Москвѣ, такъ ѣхала бы къ нему; а онъ, получивъ чрезъ нѣкоторыхъ особъ весьма выгодныя мѣста, остается тамъ. Впрочемъ предоставлялъ онъ на произволъ женѣ проживать и въ Петербургѣ съ Эдуар-

* А. С. Грибоѣдовъ.

домъ; обѣщалъ присылать имъ пособіе, повозможности.

Такой неродственный, или лучше, безразсудный поступокъ сильно поразилъ молодаго Эдуарда, еще нуждавшагося въ отцевской помощи: въ жару негодованія, онъ рѣшительно объявилъ матери, что они обойдутся и безъ пособій взбалмошнаго супруга и отца, и уговаривалъ ее не думать объ отъѣздѣ. Да, этотъ, ничѣмъ непредваренный поступокъ болѣе, нежели всѣ прежнія непріятности съ отцемъ, охладили въ Эдуардѣ сыновнее чувство. Онъ написалъ-было къ отцу письмо, полное укоръ и рѣзкихъ выраженій, — но, почувствовавъ неприличность такого письма и, убѣжденный матерью, — разорвалъ его. И что было дѣлать?.... Сынъ попегодовалъ, мать поплакала, да и стали думать о новомъ образѣ жизни. Они перемѣнили квартиру на ту, въ которой мы видѣли ихъ въ

началѣ повѣсти. Причемъ кухарка ихъ говорила: что она тогда-же думала объ этой переѣздкѣ, когда ворона упала ей *на личико*. Эдуардъ пересталъ брать уроки у Фильда и завелъ небольшой кругъ знакомыхъ изъ музыкантовъ и любителей музыки, которые иногда собирались и къ нему, для музыкальныхъ вечеровъ. Поэтически представляя свою участь: раздѣлъ съ отцемъ, разныя дороги съ братьями, нерадостную жизнь покинутой матери, онъ изливалъ свои чувствованія въ прекрасныхъ произведеніяхъ, которыя знатоками цѣнились высоко и обѣщали многаго отъ молодаго виртуоза; но, по свойственной таланту скромности, онъ не рѣшался ихъ печатать. Онъ началъ изучать генералъ-басъ. Въ это-то время Эдуардъ, вдохновенный любовію, сочинилъ тотъ полонезъ, котораго идею мы разсказывали уже нашимъ читателямъ. Среди заботъ, трудовъ и мечтаній моло-

дой человѣкъ думалъ, хотя еще очень рѣдко, слегка, недовѣрчиво, о бракѣ и семейной жизни, въ которой мать его должна будетъ занять патріаршее свое мѣсто.

Такъ предполагалъ молодой благомыслящій человѣкъ, а между-тѣмъ злой духъ воставалъ на разрушеніе его предположеній и даже его самаго. Такъ Эдуардъ мечталъ, думалъ и предполагалъ, а между-тѣмъ въ мірѣ все шло своимъ обыкновеннымъ порядкомъ; и можетъ быть, въ то-же время другой молодой человѣкъ, подъ тѣнію каштана, съ гитарою въ рукахъ, лелѣялъ свою подобную мечту. Конечно, вездѣ люди раждались и исчезали, дѣлались добрыми или злыми; а солнце всходило надъ ними и заходило. И на землѣ есть прекрасное солнце — просвѣщеніе! И сколько храмовъ воздвигнуто этому богу! И какое нетлѣнное богатство можетъ вынесть

изъ такого храма каждый!.... Въ это-же время изъ одного женскаго заведенія въ Петербургѣ, по оканчаніи курса воспитанія, вышла Софья Васильевна Дубина.

— «Какъ подростешь, матушка, такъ отдамъ тебя въ институтъ!» или «Постой! отдамъ тебя въ институтъ, такъ узнаешь!...» Вотъ чѣмъ ласкалъ и стращалъ Василій Екимычъ свою дочку, послѣ смерти жены. Точно также и кухарка, замѣнявшая для маленькой Сонюшки няню, и родные, у которыхъ она часто гостила, обольщали или пугали ея воображеніе; а окружавшія ее томительное одиночество и безобразное однообразіе манили ее въ заведеніе. И всеже, поступая туда, она заливалась слезами, также какъ и по выходѣ оттуда. Но, не получивъ дома ровно никакихъ понятій о жизни и заранѣе ждавшая *всей* житейской мудрости отъ ин-

ститута, Софья Васильевна съ полною вѣрою приняла всѣ его наставленія, которыя, хотя и превосходны сами по себѣ, но, неподкрѣпленныя опытомъ, дѣлаютъ дѣвушку какимъ-то машинальнымъ существомъ. Ксчастію чувство религіозное въ Софьѣ Васильевнѣ было сильнѣе обольщеній свѣта. Но когда ея понятія о добромъ и нравственномъ вступали въ споръ съ истиннымъ о нихъ понятіемъ, то ея самолюбіе оскорблялось: и гнѣвъ, и мщеніе вспыхивали на ея нѣжномъ, какъ воскъ, лицѣ. Незнаю какъ теперь, а тогда она отъ этой вспышки мгновенно разслабѣвала и только Эвфаліи довѣряла все свое негоодваніе. Знакомство ея съ Эвфаліею началось еще въ институтѣ, куда послѣдняя пріѣзжала иногда, пожеланію Василія Екимыча: а по выпускѣ, Софья Васильевна часто гостила у Эвфаліи. Крупниковъ, замѣтивъ тѣсную ихъдружбу, просилъ Василія Екимыча оставить дочь жить въ его

домѣ. Василій Екимычъ на это очень скоро и очень охотно согласился: онъ ничѣмъ не умѣлъ не только продолжить, даже и замѣнить того, что окружало дочь въ заведеніи. Тамъ были во всемъ чистота, аккуратность, порядокъ, а здѣсь все ветхо, все безобразно. Дочери было скучно; а отецъ скучалъ вдвое оттого, что надобно было измѣнить бытъ, къ которому онъ такъ привыкъ. Потому-то онъ радъ-радъ былъ, что дочку опять съ рукъ сбылъ, и даже гордился, что его любитъ такой почтенный человѣкъ, какъ Крупниковъ.

Дѣвицы также скоро сдружились, какъ и ознакомились. Эвфалія съ восхищеніемъ довѣрила подругѣ свои тайны, которыя, возбуждая любопытство недавно вступившей въ свѣтъ Софьи Васильевны, привязывали ее къ откровенной Эвфаліи. И конечно, какія тайны пріятнѣе для молодости, какъ не тайны сердца, какъ

не тайны любви. Но когда изумленіе и интересъ, возбужденные откровенною Эвфаліею, охладѣли въ Софьѣ Васильевнѣ отъ времени и отъ воспоминанія институтскихъ правилъ, то она стала дѣлать Эвфаліи нравственныя замѣчанія, которыя послѣдняя встрѣтила игривыми шутками и даже забавными насмѣшками. Это оскорбило самолюбивую подругу: не нападая на Эвфалію, по чувству пріязни и признательности, она тѣмъ сильнѣе востала противъ Эдуарда, котораго не любила уже, какъ учителя, еще въ институтѣ. Но шутки Эвфаліи въ подобныхъ случаяхъ начали касаться даже и самаго Эдуарда. «Право, я когда-нибудь обрѣжу его огромный нѣмецкій парикъ:» сказала она однажды; «у него такіе длинные волосы, какъ береза на головѣ!... А изъ этихъ волосъ, Сонička, я велю сдѣлать тебѣ букли....»

Ахъ, Эвфалія, милая Эвфалія! зачѣмъ

такъ легкомысленно обращаться съ самымъ лучшимъ чувствомъ! Небо съ землею соединены любовію; а ты играешь этимъ благомъ! Любовь истинная требуетъ жизни спокойной, святой; а посмотри, какъ ослабѣваетъ это чувство, когда ты млѣешь отъ чрезмѣрнаго веселья и хохота! — Въ самомъ дѣлѣ, со времени прибытія Софьи Васильевны въ домъ Крупникова, Эвфалія менѣе стала задумываться, менѣе была разсѣяна. Отецъ радовался тому, Эвфалія даже и съ Эдуардомъ начала обращаться гораздо развязнѣе. Съ своею подругою она стала чаще выѣзжать къ знакомымъ особенно къ родственникамъ Софьи Васильевны, въ семейство Семена Екимыча Дубина. Крупниковъ любилъ и даже уважалъ подругу дочери, какъ разсудительную дѣвицу: это придала ей новое достоинство въ глазахъ Эвфаліи.

Однажды вечеромъ, въ Сентябрѣ мѣ-

сяцѣ, ровно черезъ годъ послѣ происшествія въ саду, Эвфалія сѣла у окна и облокотилась задумчиво. Проливной дождь шелъ цѣлый день; вѣтръ потрясалъ деревья; желтые и зеленые листья летѣли на дорожки сада, въ который Эвфалія уставила Черкескіе свои глазки.

— «Тебѣ листочковъ жаль, Эвфалія?» спросила тутъ-же сидѣвшая съ канвою въ рукахъ, Софья Васильевна.

— «Нѣтъ; мнѣ жаль, что нѣтъ теперь здѣсь, — знаешь, кого?» улыбаясь сказала Эвфалія.

— «Опять! —Quelle bêtise!»

— «Однакожъ скажи, Соничка, что онъ тебѣ сдѣлалъ, что ты его такъ не терпишь?»

— «И не скажу, и не хочу говорить объ этомъ; потому-что онъ не стóитъ никакого вниманія!»

— «Ну, душенька, скажи! ангельчикъ!» говорила Эвфалія, игриво уви-

ваясь около надувшейся Софьи Васильевны.

— «Отойди, Эвфалія! Fi donc, какая несносная!»

—«Ну, мадемазель Фидонъ, разскажите намилость, отчего вы не жалуетя Эдуарда Богдановича?» говорила Эвфалія, передразнивая простонародное произношеніе.

—«Потому-что онъ очень прелестная фигурка!» съ нѣкоторою обидою сказала Софья Васильевна....

— «О-охъ-ти-хти! матушка, Эвфалія Николаевна, я и сама не знаю, что вамъ приглянулся такъ этотъ мусье Вольфъгангъ?» сказала, усѣвшись подлѣ дѣвицъ, старушка-няня.

— «Какъ-же, этакой видный и солидный молодой человѣкъ!» прибавила лукаво Софья Васильевна.

—«Мнѣ все сдается, матушка, говорила няня, что изъ этого не бывать

добру! Когда-нибудь оглянется Николай Григорьевичъ, да и помилуй Богъ! онъ меня и собѣлу-то свѣту сгонитъ!... Охъ, приняла я грѣхъ на душу: не открыла тогда-же всего!...»

—«Я не понимаю,» говорила Эвфалія, «что вы въ немъ нашли такого отвратительнаго. И что-жъ мнѣ дѣлать, если ужъ я его любила и еще люблю?»

—«Вѣстимо, что не по-хорошу милъ, а по-милу хорошъ; да что будетъ, если папенька-то узнаетъ?....»

—«А то будетъ, что ничего не будетъ! Да и папенька самъ его хвалитъ: его сочиненія ему всѣ нравятся. Да и сколько разъ онъ говорилъ, что Эдуардъ Богдановичъ сдѣлалъ свыше силъ и средствъ своихъ: до этого совершенства въ игрѣ кто его довелъ, какъ не собственные труды и способности. И кромѣ того, какъ онъ деликатенъ, какой добрый, чувствительный!....»

—«Ужъ, пожалусто, про доброту-то его не говори!» сказала быстро Софья Васильевна; «Знаю я, какъ умѣлъ онъ насмѣхаться-бывало въ институтѣ: даже и классныя дамы его ненавидѣли. Зато его и величали всѣ—Вольфганчикомъ....»

Приэтомъ Эвфалія задумалась; нѣсколько времени продолжалось общее молчаніе. Эвфаліи и самой случалось замѣчать въ Эдуардѣ рѣзкія насмѣшки.

— «Вѣстимо,» сказала няня, «кто знаетъ, что у кого на сердцѣ? А по-мнѣ такъ, кажется, для васъ нашлись бы женишки, и не ему чета.»

—«И даже для своего Вольфганга ты часто обижаешь и меня!» сказала Софья Васильевна...

Такія бесѣды и дружба Софьи Васильевны, у которой явились свои подобныя тайны, хотя совершенно мечтательныя, но которыя очень занимали Эвфалію, производили, что ея любовь

все болѣе и болѣе увядала. И на другой день послѣ такой бесѣды, въ которой Эдуарда иногда разбирали, что называется, по суставчикамъ, Эвфалія все равнодушнѣе обращалась съ нимъ.

Я предоставляю читателямъ, найти причину того тревожнаго, мучительнаго состоянія, въ которомъ встрѣтили мы первый разъ Эдуарда на Большомъ Проспектѣ Васильевскаго-Острова, на урокѣ, на вечерѣ у родныхъ и дома.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Въ Книжномъ Магазинѣ Книгопродавца Ѳедора Васильевича Базунова, въ С. Петербургѣ, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Казанскаго Собора въ домѣ Г. Имзена, можно получать нижеслѣдующія новыя книги:

ПОХОЖДЕНІЯ ЧИЧИКОВА или МЕРТВЫЯ ДУШИ. Новое Сочиненіе. *Н. Гоголя.* М. 1842 г. цѣна 3 руб. сереб.

АЛЬФЪ и АЛЬДОНА. Историческій Романъ Соч. *Н. Кукольника.* 4 части. С. П. Б. 1842 г. 5 руб. сереб.

ДВА ПРИЗРАКА. Романъ. Соч. *Фанъ-Дима.* 4 части С. П. Б. 1842 г. 5 руб. сер.

СОЛНЕЧНЫЙ ЛУЧЬ. Происшествіе изъ временъ ЕКАТЕРИНЫ II. Соч. *И. Штевена.* 5 частей С. П. Б. 1841 г. 5 р. сер.

НЕПОСТИЖИМАЯ. Романъ Соч. *Владиміра Филимонова.* 5 частей Спб. 1841 5 руб. сер.

ЧУДНЫЯ ПОХОЖДЕНІЯ Петра Шлемиля Соч. *Аделберта фонъ Шамиссо,* съ шестью картинками. С. П. Б. 1842 1 руб. 75 коп. сер.

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ВЫСШИМЪ ВЗГЛЯДОМЪ или какъ выдти въ люди. Романъ Соч. *Е. Г.* 4 части. С. П. Б. 1842 г. цѣна 4 руб. сереб.

КЕСАРИ Соч. *де Шампаньи.* С. П. Б. 1842 1 руб. 25 коп. сереб.

ЭВЕЛИНА де ВАЛЬЕРОЛЬ Романъ Соч. *Н. Кукольника* 4 части С. П. Б. 1841 цѣна 3 руб. сереб.

ТЫСЯЧА и ОДНА НОЧЬ, Арабскія Сказки. Новый переводъ въ 10 частяхъ, съ картинками Спб. 1839 — 1842 г. цѣна 6 руб. сереб.

КУЗЬМА ПЕТРОВИЧЪ МИРОШЕВЪ. Русская быль временъ ЕКАТЕРИНЫ II. Соч. *М. Н. Загоскина* 4 части М. 1842 цѣна 5 руб. сереб.

РУССКАЯ БЕСѢДА. Собраніе Сочиненій Русскихъ Литераторовъ. Изданная въ пользу *А. Ф. Смирдина.* 3 большіе тома, напечатанные на лучшей бумагѣ. Спб. 1841 — 1842 г. цѣна 10 руб. сер.

Гг. Иногородныя особы благоволятъ какъ засими книгами такъ и завсѣми вновь выходящими адресоваться въ Книжный Магазинъ на имя Ѳедора Васильевича Базунова въ Спб. Не прилагая никакой особой платы на пересылку, требуемые книги доставлены будутъ съ первою почтою.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3337
.I37
L58
1842
ch.1